

Sudina, A. A.

Book

Tschto skrywaetsja sa "srednimi" samoozenkami? :
analisis traektorij sozial'nogo samotschuwstwija rossijan
w 2000-2014 gg.

Provided in Cooperation with:

National Research University, Moscow

Reference: Sudina, A. A. (2016). Tschto skrywaetsja sa "srednimi" samoozenkami? : analisis traektorij sozial'nogo samotschuwstwija rossijan w 2000-2014 gg.. Moskva : Izd. dom Vysšej školy èkonomiki.

This Version is available at:

<http://hdl.handle.net/11159/140>

Kontakt/Contact

ZBW – Leibniz-Informationszentrum Wirtschaft/Leibniz Information Centre for Economics
Düsternbrooker Weg 120
24105 Kiel (Germany)
E-Mail: [rights\[at\]zbw.eu](mailto:rights[at]zbw.eu)
<https://www.zbw.eu/>

Standard-Nutzungsbedingungen:

Dieses Dokument darf zu eigenen wissenschaftlichen Zwecken und zum Privatgebrauch gespeichert und kopiert werden. Sie dürfen dieses Dokument nicht für öffentliche oder kommerzielle Zwecke vervielfältigen, öffentlich ausstellen, aufführen, vertreiben oder anderweitig nutzen. Sofern für das Dokument eine Open-Content-Lizenz verwendet wurde, so gelten abweichend von diesen Nutzungsbedingungen die in der Lizenz gewährten Nutzungsrechte. Alle auf diesem Vorblatt angegebenen Informationen einschließlich der Rechteinformationen (z.B. Nennung einer Creative Commons Lizenz) wurden automatisch generiert und müssen durch Nutzer:innen vor einer Nachnutzung sorgfältig überprüft werden. Die Lizenzangaben stammen aus Publikationsmetadaten und können Fehler oder Ungenauigkeiten enthalten.

<https://savearchive.zbw.eu/termsfuse>

Terms of use:

This document may be saved and copied for your personal and scholarly purposes. You are not to copy it for public or commercial purposes, to exhibit the document in public, to perform, distribute or otherwise use the document in public. If the document is made available under a Creative Commons Licence you may exercise further usage rights as specified in the licence. All information provided on this publication cover sheet, including copyright details (e.g. indication of a Creative Commons license), was automatically generated and must be carefully reviewed by users prior to reuse. The license information is derived from publication metadata and may contain errors or inaccuracies.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Зудина

**ЧТО СКРЫВАЕТСЯ
ЗА «СРЕДНИМИ» САМООЦЕНКАМИ?
АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО
САМОЧУВСТВИЯ РОССИЯН
В 2000–2014 ГГ.**

Препринт WP3/2016/05

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2016

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Зудина, А. А.

Что скрывается за «средними» самооценками? Анализ траекторий социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг. : препринт WP3/2016/05 [Электронный ресурс] / А. А. Зудина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (1,5 Мб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 50 с.

Тема мобильности рабочей силы и перемещений работников между состояниями занятости и безработицы, рабочими местами, отраслями и профессиями в настоящий момент является невероятно популярной. Однако она не исчерпывается рассмотрением изменений в объективном положении людей. Субъективная мобильность, т.е. изменение представлений о своем благополучии и месте в обществе, представляет собой еще один важный угол зрения. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в 2000-е годы средние самооценки российского населения оставались на достаточно низком уровне, несмотря на наблюдавшийся на протяжении большей части периода экономический рост и различные социальные реформы. Однако до недавнего времени у нас не было возможности заглянуть внутрь этого среднего уровня и понять, из каких «подводных течений» он складывается.

Настоящее исследование впервые ставит вопрос о характеристиках индивидуальных траекторий социального самочувствия россиян – совокупности самооценок одних и тех же людей в разные моменты времени, которые позволяют проследить развитие их самовосприятия. Применяя современную технику моделирования групповых различий в траекториях развития (Group-Based Trajectory Modeling) на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2000–2014 гг., мы выделяем классификацию индивидуальных траекторий социального самочувствия россиян, анализируем социально-демографический портрет представителей различных траекторий и оцениваем влияние наступления жизненных событий (к примеру, вступление в брак, появление ребенка, потеря и нахождение работы) на вид и направление траекторий социального самочувствия. Полученные результаты свидетельствуют о том, что наблюдаемая устойчивость средних самооценок россиян в 2000–2014 гг. никак не может служить надежным показателем социального самочувствия населения, так как она являлась результатом перемешивания нескольких различных траекторий. Только некоторые из них можно описать как стабильные, в то время как остальные предполагают значительную мобильность социального самочувствия – его рост или падение. Принадлежность к той или иной групповой траектории объясняется сочетанием нескольких социально-демографических черт, а наступление основных жизненных событий оказывает значительное влияние на вид индивидуальных траекторий социального самочувствия.

Ключевые слова: субъективный социальный статус; удовлетворенность жизнью; социальное самочувствие; мобильность; анализ траекторий; панельные данные; РМЭЗ ВШЭ

JEL: J32; J69; Z13

Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Зудина А. А., 2016
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2016

Введение¹

Различные аспекты мобильности индивидов на рынке труда – перемещения между состояниями занятости и незанятости, рабочими местами, профессиями и отраслями, и т.п. – в последнее время стали предметом активного изучения российских и зарубежных исследователей. Однако данная тема не исчерпывается рассмотрением изменений лишь в объективном положении людей. Субъективная мобильность, т.е. изменение представлений о своем благополучии и месте в обществе, представляет собой еще один важный угол зрения. Несмотря на то, что одни и те же факты могут по-разному отражаться в восприятии конкретных людей, именно субъективные представления в конечном счете определяют то, как они себя ведут и какие решения принимают. Согласно одной из наиболее знаменитых формулировок этой причинно-следственной связи, принадлежащей социологам Уильяму и Дороти С. Томас, «если ситуация воспринимается как реальная, то она реальна по своим последствиям»² [Thomas, Thomas, 1928]. Показатели стабильности или изменчивости тех или иных самооценок людей сами по себе предоставляют важную информацию об экономических, политических и социальных процессах, которые сложно отследить напрямую при помощи лишь объективных данных [Veenhoven, 2001]. В этом заключается их особая значимость.

При изучении показателей социального самочувствия, как правило, анализируются средние значения, характерные для различных категорий и групп населения. Однако в таком случае мы фиксируем лишь некий наблюдаемый «уровень воды», ничего не зная о том, из каких подводных течений он складывается. К примеру, если средние самооценки населения страны устойчивы во времени, означает ли это, что индивидуальное восприятие также не изменяется? Их стабильность может являться результатом суммирования полярных самооценок, носителями которых в разные периоды времени могут выступать абсолютно разные группы.

Интерес к изучению мобильности индивидуального самовосприятия приводит нас к рассмотрению траекторий социального самочувствия. Под последними здесь будут пониматься совокупности самооценок одних и тех же людей в разные моменты времени.

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. Автор выражает признательность за ценные замечания и комментарии В.Е. Гимпельсону и Р.И. Капелюшникову.

² В социологии и социальной психологии данная формулировка получила широкую известность как «теорема Томаса», в результате чего в дальнейшем авторство стало ошибочно приписываться лишь У. Томасу [Merton, 1995].

Для России исследования подобного типа ранее не проводились. При этом понимание особенностей самовосприятия населения в нашей стране имеет особую значимость. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что на протяжении большей части 2000-х годов средние самооценки населения в целом оставались на достаточно низком уровне, несмотря на развитие экономики и различные социальные преобразования [Российская идентичность в социологическом измерении, 2007; Андрееenkova, 2010]. Более того, даже наиболее благополучные слои населения демонстрировали более низкую удовлетворенность жизнью, чем жители западных стран в схожих обстоятельствах [Андрееenkova, 2010]. Определенное улучшение средних самооценок наметилось лишь в 2010–2014 гг. [Тихонова, 2015].

Вопрос о том, какие индивидуальные траектории лежат в основании этого низкого среднего уровня, остается неисследованным. Для какой категории населения в период 2000–2014 гг. был характерен наибольший подъем самооценок, для какой – спад? Каков социально-демографический портрет представителей различных траекторий самовосприятия? В какой степени наступление различных личных жизненных событий (к примеру, вступление в брак, появление ребенка, потеря работы) влияет на форму и направление траекторий социального самочувствия?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, в настоящем исследовании используются панельные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2000–2014 гг. Под социальным самочувствием мы понимаем самооценки респондентов по таким параметрам, как удовлетворенность жизнью и субъективный социальный статус. Удовлетворенность жизнью является обобщенным показателем, охватывающим все сферы жизни индивида [Veenhoven, 2008], а самооценки социального положения концентрируются на более узком аспекте его положения в обществе.

Согласно полученным результатам, наблюдаемый средний уровень самооценок россиян в 2000–2014 гг. является результатом «перемешивания» нескольких различных типов траекторий. Некоторые из них можно описать как стабильные, но примерно для половины населения оказывается характерна значительная мобильность социального самочувствия (его улучшение или ухудшение). Принадлежность к тому или иному типу объясняется сочетаниями нескольких различных индивидуальных характеристик, при этом те, кто обладает высокой (или растущей) самооценкой, в гораздо меньшей степени подвержены влиянию шоков дохода или наступления негативных жизненных событий.

Логика и структура настоящей работы выстроены следующим образом. В Разделе 1 кратко изложены основные результаты предшествующих зарубежных исследований траекторий социального самочувствия. Раздел 2 представляет методологию анализа и эмпири-

ческую базу исследования, в частности, описывает методику классификации индивидуальных траекторий. В Разделе 3 представлена динамика средних показателей самооценки российского населения за 2000–2014 гг. В Разделе 4 обсуждается устойчивость индивидуальных самооценок. Раздел 5 дает типологию индивидуальных траекторий социального самочувствия, а также социально-демографический портрет представителей каждой из них. В Разделе 6 мы обратимся к вопросу о влиянии жизненных событий на форму и направление выявленных траекторий. В заключении подводятся итоги.

1. Зачем и как изучают индивидуальные траектории?

В определенном смысле практически все социальные науки посвящены тому, как складывается жизненный путь конкретного человека, что отличает одну жизненную траекторию от другой и какие факторы оказываются в этом процессе определяющими. Однако изучение индивидуальных траекторий самовосприятия является относительно новым направлением. Социальное самочувствие представляет собой наиболее обобщенную характеристику оценки индивидом своей жизни. Данный термин можно определить как «ценностно-эмоциональное... отношение [людей] к своему социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей, интересов... совокупность оценок, которые люди дают себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами, территориальными сообществами и обществом в целом» [Лапин, 2007]. Оно формируется под влиянием сопоставления своего положения с собственным уровнем притязаний или положением других людей. Опираясь на данное общее определение, можно отнести к числу индикаторов социального самочувствия не только удовлетворенность жизнью в целом (т.е. субъективное благополучие), но и самооценки положения индивида в обществе. Тем самым, в зависимости от конкретного исследовательского подхода, в рамках изучения социального самочувствия могут «высвечиваться» разные его составляющие.

Исходя из существующей исследовательской литературы можно сформулировать общее определение индивидуальных траекторий социального самочувствия как совокупности наблюдений о самовосприятии одних и тех же людей во времени. На протяжении долгого времени исследователи концентрировали свое внимание исключительно на среднем уровне самооценок различных групп населения, оставляя за скобками особенности эволюции индивидуального восприятия. Тем не менее именно понимание тенденций изменения субъективных оценок на индивидуальном уровне способно пролить свет на динамику социального самочувствия групп населения и общества в целом [Lucas, 2003; Gadermann, Zumbo, 2007]. Форма и направление индивидуальных траекторий самовосприятия

выступают гораздо более наглядным индикатором мобильности или стабильности самооценок, чем динамика средних значений или разброс вокруг них [Nagin, 2005].

При изучении индивидуальных траекторий социального самочувствия исследователи чаще всего обращаются к анализу изменения оценок субъективного благополучия, под которым понимают общую удовлетворенность жизнью³. В 1990-е годы между исследователями развернулась дискуссия о составляющих самооценки благополучия (см., к примеру, [Veenhoven, 1994; Stones, 1995]). Были выявлены два ее ключевых элемента – неизменный, связанный со свойствами личности каждого конкретного человека, и вариативный, отражающий особенности восприятия текущей жизненной ситуации. Последний представлял собой колебания вокруг средней оценки удовлетворенности жизнью, характерной для данного индивида.

Одним из наиболее популярных направлений в этих исследованиях стало изучение эффектов различных жизненных событий. Полученные результаты показывают, что наиболее важные жизненные события (так называемые “major life events”) оказывают значительное воздействие на индивидуальные траектории субъективного благополучия, хотя исходный «скачок» самооценки и ее дальнейшее изменение варьируются в зависимости от конкретного события [Luhmann et al., 2012]. Эффект негативных событий на динамику субъективного благополучия, как правило, оказывается продолжительнее эффекта позитивных событий⁴. К примеру, резкий рост удовлетворенности жизнью непосредственно после вступления в брак (эффект «медового месяца») достаточно быстро сменяется падением, а полное возвращение к исходному уровню наступает уже через два года [Lucas et al., 2003]. В противоположность этому, выравнивание самооценок после сильных отрицательных «шоков» (безработицы, развода, вдовства, потери дееспособности) наступает гораздо медленнее или не наступает вовсе. Один из наиболее ярких примеров подобной реакции связан с потерей рабочего места. Прошлый уровень удовлетворенности жизнью не восстанавливается даже после нахождения новой работы [Luhmann et al., 2012].

Переход из состояния незанятости в занятость, напротив, сопровождается, как правило, весьма небольшими позитивными последствиями с точки зрения субъективного благополучия [Ibid]. Исследователи склонны объяснять этот факт двумя различными комплементарными процессами. Во-первых, нахождение рабочего места и непосредственный вы-

³ Мы не обнаружили исследований индивидуальных траекторий самовосприятия, которые бы рассматривали какие-либо другие самооценки помимо субъективного благополучия.

⁴ Во многом данные результаты согласуются с выводом теории перспектив Д. Канемана и А. Тверски об асимметричности реакции на увеличение и уменьшение благосостояния (потери и выигрыши) [Kahneman, Tversky, 1979].

ход на работу разделены во времени. Тем самым первоначальная эйфория от удачного завершения поиска работы происходит до непосредственного перехода в занятость. Помимо этого, реальная удовлетворенность новым местом работы может оказаться меньше, чем ожидаемая индивидом. Во-вторых, значительное сокращение свободного времени в связи с необходимостью осуществления трудовой деятельности может также уменьшать положительный эффект нахождения новой работы.

Выход на пенсию представляет собой еще один вариант возможной смены статуса на рынке труда. Зачастую он представляет собой «нейтральное» с точки зрения субъективного благополучия событие, сопряженное для индивида как с выгодами (больше свободного времени для себя и общения с друзьями и семьей, отсутствие привычного регламентированного ритма трудовой жизни), так и с издержками (меньший доход, сократившееся число социальных связей). Исследования показывают, что субъективное благополучие может несколько снизиться сразу после выхода на пенсию, отражая чересчур завышенные ожидания, связанные с преимуществами пенсионного статуса. Однако в дальнейшем уровень самооценки все же выравнивается.

Важно отметить несколько проблем методологического характера, связанных с анализом индивидуальных траекторий самооценок. Наступление основных жизненных событий нельзя смоделировать в условиях естественного эксперимента. Тем самым любые исследования индивидуальных траекторий самооценок сопряжены с большими ограничениями по внутренней валидности – невозможно быть полностью уверенным в том, что наблюдаемое изменение в самооценках действительно было вызвано именно наступлением жизненного события [Luhmann et al., 2012]. Помимо этого, наступление или ненаступление событий в жизни человека во многом может определяться индивидуальными ненаблюдаемыми характеристиками людей (например, ценностями) [Headey, 2006], что приводит к проблеме эндогенности.

Кроме того, существует и проблема обратного влияния – низкая самооценка субъективного благополучия может быть значимым фактором последующего наступления таких негативных жизненных событий, как развод или потеря работы [Luhmann et al., 2010]. Важная особенность жизненных событий состоит также в том, что они в большинстве своем не являются сугубо одномоментными, индивид очень часто может заранее «предвидеть» их грядущее наступление. Наиболее очевидные примеры такого рода – свадьба, рождение ребенка и развод, к которым начинают готовиться за несколько месяцев. Таким образом, не только само событие, но и знание о его грядущем наступлении может влиять на индивидуальную траекторию самооценки [Luhmann et al., 2012].

Еще один важный аспект изучения социального самочувствия состоит в том, что агент, осуществляющий оценку, не является в полной мере «объективным» и нейтральным. На процесс самовосприятия оказывает влияние как социальный и культурный контекст существования индивида [Kahneman et al., 1999], так и уровень его притязаний, а также наличие референтной группы индивидов, обладающих желаемыми характеристиками, по отношению к которым происходит оценивание [Campbell, Converse, Rodgers, 1976]⁵.

Одним из способов частичного решения проблемы ошибок измерения, характерной для субъективных оценок, является наблюдение одних и тех же индивидов на протяжении определенного периода времени, т.е. использование панельных данных [Easterlin, 1974]. Помимо этого, также применяются специальные методы эконометрического анализа, одним из которых является регрессия с индивидуальными фиксированными эффектами.

2. Методология анализа и эмпирическая база исследования

Целью настоящего исследования является изучение индивидуальных траекторий социального самочувствия российского населения в 2000–2014 гг. Для этого мы сначала рассматриваем самооценки россиян в 2000–2014 гг. и степень их устойчивости во времени; затем строим типологию траекторий социального самочувствия и, наконец, обсуждаем, как различные события в жизни людей влияют на изменение этих траекторий.

Эмпирическую базу настоящего исследования составляют данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ Высшей школы экономики (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2000–2014 гг.

В качестве индикаторов самооценки социального положения используется несколько вопросов регулярной анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ [Зудина, 2016]. Их точные формулировки выглядят следующим образом:

1. «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»;
2. «И еще одна лестница из девяти ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?».

Использование двух данных показателей соответствует веберовскому пониманию социальной стратификации. М. Вебер подчеркивал многопараметрический характер соци-

⁵ Возможны случаи завышения индивидуальной самооценки теми людьми, которые находятся в крайне неблагоприятных объективных жизненных обстоятельствах [Hall, Ring, 1975] и занижения самооценки более успешными людьми [Hammermesh, 2001].

ального неравенства и выделял несколько основных автономных сфер его формирования, в том числе благосостояние и уважение [Weber, 1966]. Можно предположить, что наступление основных жизненных событий будет влиять на восприятие каждой из этих составляющих. Как следует из формулировок вопросов, респондентам предлагалась 9-балльная шкала с одинаковым «шагом» между ступенями в 1 балл.

В качестве интегральной меры субъективного благополучия был использован вопрос регулярной анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ об удовлетворенности жизнью: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?». Ее степень измеряется с помощью 5-балльной порядковой шкалы (от «полностью удовлетворены» до «совсем не удовлетворены»).

С учетом результатов предшествующих исследований было выдвинуто предположение о том, что значения данных индикаторов социального самочувствия будут увеличиваться при наступлении «позитивных» жизненных событий (вступление в брак, появление ребенка⁶, нахождение работы) и снижаться при наступлении «негативных» (развод, потеря работы). Мы можем установить факт наступления жизненных событий лишь на основе сопоставления объективных условий жизни индивида в двух последовательных периодах наблюдения. Точный момент наступления события нам неизвестен – он может произойти в любое время между двумя наблюдениями. Это может приводить к значительным смещениям в оценке влияния события на динамику социального самочувствия из-за ненаблюдаемых различий в моменте наступления события, т.е. в фиксируемой нами значимости и силе воздействия этого события. Напомним, что «шок» после наступления многих важных жизненных событий постепенно ослабевает.

Мы начинаем наш эмпирический анализ с обсуждения динамики средних самооценок социального самочувствия (удовлетворенности жизнью и субъективного социального статуса), а затем ищем ответ на вопрос о том, насколько устойчивы или, наоборот, подвижны индивидуальные самооценки. Влияет ли прошлогодняя самооценка на формирование текущих представлений о себе или нет? Если да, то каков ее вклад? Для этого мы анализируем матрицы переходов, описывающие вероятность изменения самооценки респондента между двумя последовательными годами.

Однако выяснение степени мобильности представлений респондентов о себе в пространстве двух лет не дает понимания того, как выглядят траектории их социального самочувствия в более длительной перспективе. Поэтому мы используем специальную технику

⁶ Здесь и далее используется термин «появление ребенка», а не «рождение ребенка», так как данное понятие включает также ситуацию усыновления или вхождения в домохозяйство детей, которые являются кровными или усыновленными родственниками его новых членов (падчерицы, пасынки).

моделирования траекторий (Group-Based Trajectory Modeling). С ее помощью мы выявляем типологию наиболее распространенных траекторий изменения показателей социального самочувствия⁷. Остановимся на описании этого подхода подробнее.

Как отмечают исследователи, традиционный эконометрический анализ панельных данных (модели латентных изменений и иерархические модели) плохо подходит для изучения индивидуальных траекторий изменения какого-либо показателя. Это происходит из-за того, что в фокусе оказываются только индивидуальные отклонения от среднего значения показателя по всей выборке. При этом существующие методы выделяют траектории для групп населения, которые уже различаются на основе наблюдаемого признака (к примеру, по полу – мужчин и женщин) [Nagin, 2005]. Тем самым исследователь имплицитно предполагает, что траектории показателя отличаются только из-за различий людей в одном этом наблюдаемом признаке (половой принадлежности). В действительности причины отличий в траекториях могут быть намного сложнее и объясняться как ненаблюдаемыми различиями в психотипе или локусе контроля респондентов, так и сочетанием сразу нескольких социально-демографических характеристик (например, пола, дохода и типа поселения).

В противоположность этому методика моделирования групповых различий в индивидуальных траекториях на основе формальной статистической модели позволяет с самого начала выделить внутри выборочной совокупности отличные друг от друга группы респондентов со сходными траекториями изменения показателя [Ibid]. Эта методика относится к группе так называемых моделей латентных классов (latent class models), в рамках которых происходит классификация респондентов на основе значений некой *ненаблюдаемой* напрямую характеристики, определяющей их сходство [Nagin, Jones, 2012]. При этом базовая предпосылка модели состоит в том, что в совокупности может существовать несколько различных подгрупп населения, каждая – со своим собственным средним значением показателя и характерной траекторией его изменения [Nagin, 2005]. Для оценки параметров модели используется метод максимального правдоподобия.

Само понятие траектории предполагает, что основной интерес представляет распределение значений ключевой переменной в зависимости от времени наблюдения, которое можно обозначить как $P(Y_i | Time_i)$. Случайный вектор Y_i представляет собой последовательность значений наблюдаемой переменной для индивида i во времени, а вектор $Time_i$ – время наблюдения в момент регистрации каждого из значений наблюдаемой переменной

⁷ Для расчетов использовалась команда Traj в пакете STATA [Nagin, Jones, 2012].

[Nagin, Jones, 2012]. Тем самым, для каждого индивида i распределение значений зависимой переменной может быть записано следующим образом:

$$P(Y_i | Time_i) = \sum_{j=1}^J \pi^j * P(Y_i | Time_i, j; \beta^j), \quad (1)$$

где π^j – индикатор принадлежности к группе j с определенной траекторией; β – вектор с неизвестными параметрами, обозначающий условное распределение Y_i с учетом членства в группе j , который, в частности, определяет вид траектории интересующей переменной [Ibid.].

В рамках данного метода исследователь задает количество и вид траекторий показателя (линейный, квадратический, кубический), которые могут существовать в генеральной совокупности. Далее алгоритм осуществляет поиск данных траекторий. Процедура повторяется несколько раз с разным количеством траекторий. Итоговое число траекторий определяется путем сравнения полученных результатов. При этом выделенные траектории должны максимально различаться между собой по своему виду⁸.

Далее для конкретного индивида вычисляется вероятность его принадлежности к каждому из выявленных в совокупности типов траекторий. После этого окончательная групповая принадлежность индивида определяется путем отнесения его к той траектории, следование которой для него является наиболее вероятным. Как подчеркивают авторы метода [Nagin, Jones, 2012], отнесение респондента к какой-либо групповой траектории не требует того, чтобы он принимал участие в каждой из волн обследования. Выделяемые в рамках метода группы индивидов представляют собой так называемые латентные страты, так как принадлежащие к ним индивиды демонстрируют приблизительно сходные индивидуальные траектории изменения показателя во времени.

В настоящей работе вероятность $P(Y_i | Time_i)$ была специфицирована при помощи цензурированного нормального распределения. Оно используется при анализе шкал, приближенных к непрерывным и ограниченных наличием заданного минимума и (или) максимума. Данный вид анализа проводился на подвыборках мужчин и женщин отдельно по каждому из показателей социального самочувствия, в результате чего было выделено пять траекторий их изменения.

К достоинствам описываемого метода относится и то, что моделирование групповых траекторий позволяет изолировать эффект неизменных индивидуальных характеристик, а также оценить влияние изменяющихся характеристик на саму траекторию [Ibid].

⁸ Формальным статистическим критерием для определения оптимального количества траекторий является минимальное значение Байесовского информационного критерия.

Поэтому в нашем исследовании мы рассматриваем влияние наступления различных жизненных событий на групповые траектории социального самочувствия. В настоящей работе будет прослежено влияние наступления жизненных событий, связанных с изменением статуса на рынке труда (потерей и нахождением занятости), а также появлением ребенка, вступлением или расторжением брака.

3. Динамика средних значений показателей социального самочувствия в 2000–2014 гг.

В табл. 1 Приложения приведены средние значения показателей социального самочувствия за 2000–2014 гг. Согласно полученным результатам, средний уровень самооценок по каждому выбранному индикатору был достаточно устойчивым. Самооценка материального положения на протяжении рассматриваемого периода составляла в среднем 3,7–4 балла по 9-балльной шкале, что соответствует достаточно низкому воспринимаемому уровню. Экономический рост, наблюдавшийся в первой половине рассматриваемого периода, сопровождался слабо выраженным увеличением средних самооценок по данному индикатору. Примечательно также и то, что экономический кризис 2008–2009 гг. не прервал общего повышательного тренда. Средние самооценки населения в этот период, напротив, оказываются больше любых предшествующих значений.

Средние самооценки уровня уважения, испытываемого к себе со стороны других, заметно отличаются от восприятия собственного материального благосостояния. На протяжении рассматриваемого периода они составляли 5,9–6,5 балла, что заметно выше аналогичных оценок для материального положения. Пик средних оценок самоуважения приходится на 2013 г., когда они достигают 6,5 балла. При этом усредненный уровень самооценок уважения россиян в кризисный период также был выше, чем в любой другой предшествующий кризису год. Средние значения по данному показателю всегда значительно превышали усредненные значения по любым другим показателям субъективного социального статуса [Зудина, 2016]. Представления об уважении к себе – один из столпов самоидентификации, от которого индивиды, судя по всему, отказываются в самую последнюю очередь. Каким бы бедным индивид себя ни ощущал, он будет считать, что его уважают.

Динамика усредненных самооценок удовлетворенности жизнью представляет несколько иную картину. В 2000 г. среднее значение показателя удовлетворенности жизнью составляло всего 2,4 балла по 5-балльной шкале⁹. Оно росло вплоть до кризисных 2008–

⁹ Напомним, что значение «2» относится к варианту ответа «скорее не удовлетворены» на вопрос о степени удовлетворенности собственной жизнью.

2009 гг., когда наступила стабилизация на уровне 3,2 балла. Их увеличение в период 2000–2008 гг. было намного более выраженным, чем в случае с субъективным социальным статусом. В посткризисный период максимальное значение средней удовлетворенности жизнью составляло 3,3 балла, таким образом, ее рост практически остановился.

Подводя итоги, можно заметить, что самооценки социального статуса в среднем демонстрировали скорее устойчивость, в то время как самооценки удовлетворенности жизнью – рост. Это согласуется с имеющимися результатами о том, что самооценка удовлетворенности жизнью, как правило, оказывается более позитивной, чем восприятие собственного материального положения [Тихонова, 2015a], так как те, кто оценивает свое материальное положение как плохое, далеко не всегда оказываются представителями наиболее обездоленной части населения страны [Тихонова 2015]. Тем не менее все индикаторы социального самочувствия, помимо самооценки уважения, удерживались на относительно низком уровне. Другая особенность представленных средних оценок социального самочувствия состоит в том, что они никак не отреагировали на кризисную ситуацию 2008–2009 гг. По всем трем показателям они в этот момент, напротив, достигали едва ли не самых высоких значений за весь период наблюдения. Таким образом, и здесь наблюдается отсутствие прямой выраженной связи между объективной ситуацией, с одной стороны, и восприятием своего положения в обществе и удовлетворенности жизнью, с другой. Возможно, частично это объясняется тем, что экономические последствия кризиса оказались для большей части россиян не столь тяжелыми и долговременными, как это предполагалось вначале, т.е. худшие ожидания не подтвердились [Двадцать лет реформ глазами россиян, 2011]. Однако обращает на себя внимание и тот факт, что в посткризисный период темпы позитивной динамики в социальном самочувствии по показателям удовлетворенности жизнью и восприятию материального положения заметно уменьшились.

Средние оценки социального самочувствия демонстрируют самую общую картину динамики самовосприятия населения. Однако они не могут показать, насколько мобильны или стабильны индивидуальные субъективные представления россиян. Ответ на этот вопрос могут дать только панельные данные, позволяющие отследить изменения самооценок одних и тех же людей во времени.

4. Устойчивость индивидуальных траекторий социального самочувствия

Матрицы перехода, построенные на данных несбалансированной панели респондентов РМЭЗ НИУ ВШЭ старше 15 лет за 2000–2014 гг., характеризуют мобильность уровня самооценки по двум измерениям.

В табл. 1 представлены средние безусловные вероятности различных уровней самооценки (от 1 до 9) материального положения в году $t + 1$ в зависимости от прошлой самооценки в году t . По диагонали курсивом выделены вероятности сохранения текущего значения каждого из возможных уровней самооценки в следующем периоде.

Таблица 1. Средние вероятности самооценки материального положения (по шкале от 1 до 9) в следующем году в зависимости от самооценки в текущем году, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Самооценка в текущем году (t)	Самооценка в следующем году (t + 1)									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Итого
1 – нищие	32,8	25,1	19,1	10,0	9,7	2,0	1,0	0,3	0,1	100,0
2	9,5	31,2	31,3	15,9	9,1	2,0	0,8	0,3	0,0	100,0
3	3,5	14,6	35,2	26,7	14,6	3,6	1,4	0,3	0,1	100,0
4	1,7	6,5	23,5	34,4	24,9	6,5	2,1	0,3	0,1	100,0
5	1,8	4,3	13,5	24,9	38,8	12,2	3,8	0,6	0,2	100,0
6	0,9	2,9	9,4	19,4	33,7	22,5	9,6	1,5	0,3	100,0
7	0,8	2,8	8,9	14,9	26,9	23,6	17,7	3,8	0,6	100,0
8	1,7	4,2	7,8	15,8	20,2	20,3	20,0	8,6	1,3	100,0
9 – богатые	2,0	1,3	8,5	11,1	24,1	22,8	11,7	8,1	10,4	100,0

Вероятность остаться на прежнем уровне самооценки материального положения в следующем году не превышает 39%, что означает, что представления респондентов достаточно подвижны. По мере продвижения индивидуальной самооценки благосостояния от 1-й ступени к 4-й вероятность ее увеличения на 1 балл в следующем году составляет 25–31%. После 4-й ступени наступает перелом. В тех случаях, когда текущая самооценка материального благосостояния индивида составляет 5–8 баллов, вероятность ее дальнейшего увеличения на 1 балл резко снижается, варьируясь от 1 до 12%.

При этом наименьшая вероятность дальнейшего роста характерна для тех, кто в текущем году оценивает свое материальное благосостояние на 8 баллов из 9 возможных (самооценке практически некуда больше расти). Вероятность увеличения самооценки сразу на 2 балла в следующем году превышает или равняется вероятности уменьшения самооценки на 1 балл для тех, кто в текущем году ставит себя на 2-ю и 3-ю ступень. Тем самым, как нам представляется, в анализируемый период восходящая мобильность самооценок материального благополучия концентрировалась среди наиболее депривированных категорий населения. Это согласуется с имеющимися данными о сокращении неравенства в нижней части распределения доходов, которое наблюдалось в 2000-е годы [Лукьянова, 2007].

Особенности индивидуальной динамики самооценки уважения представляют картину, резко отличающуюся от динамики самооценки материального положения (табл. 2).

Таблица 2. Средние вероятности самооценки уважения (по шкале от 1 до 9) в следующем году в зависимости от самооценки в текущем году, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Самооценка в текущем году (t)	Самооценка в следующем году (t + 1)									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Итого
1 – наименее уважаемые	18,1	12,9	11,7	12,8	18,0	7,9	8,8	4,8	4,9	100,0
2	6,0	15,3	20,9	15,7	19,8	7,6	7,5	4,9	2,3	100,0
3	2,1	6,7	17,5	21,5	24,6	11,1	9,7	4,8	2,0	100,0
4	1,0	2,2	9,3	22,0	30,8	16,3	10,9	5,2	2,3	100,0
5	0,4	1,1	4,2	11,7	34,8	20,6	16,2	8,1	3,1	100,0
6	0,2	0,6	2,4	7,1	23,6	25,8	24,7	12,1	3,6	100,0
7	0,1	0,4	1,5	4,3	16,2	19,9	32,2	20,3	5,1	100,0
8	0,2	0,4	1,3	2,8	10,4	12,9	27,1	33,6	11,4	100,0
9 – наиболее уважаемые	0,3	0,5	1,3	3,1	10,8	9,3	16,5	28,0	30,3	100,0

Наибольшую устойчивость представлений о собственном уровне уважения демонстрируют те индивиды, которые воспринимают себя в качестве наиболее уважаемых со стороны других. Вероятность сохранить прежнюю самооценку в следующем году у респондентов, располагающих себя на 5–9-й ступенях, равняется 25–35%. Самооценки тех индивидов, которые ощущают себя менее уважаемыми, более подвижны. Вероятность остаться на той же ступени шкалы уважения для них не превышает 22%.

В отличие от индивидуальной динамики субъективного благосостояния, для восприятия уважения увеличение показателя самооценки на 1 балл является далеко не самым распространенным вариантом изменения в будущем году. Для тех, кто описывает свое положение как наименее уважаемое (1-я и 2-я ступени), оказывается характерна высокая вероятность «скачкообразного» изменения самооценки сразу на несколько баллов (от 2 до 4). Для таких респондентов вероятность поставить себя на «средний» уровень шкалы в следующем периоде (5-я ступень) составляет около 20%. Таким образом, 5-я ступень по шкале уважения, судя по всему, воспринимается в качестве нижнего порога социальной приемлемости, которого необходимо достигнуть.

Обратимся теперь к рассмотрению особенностей индивидуальной динамики индикатора удовлетворенности жизнью в 2000–2014 гг. (табл. 3).

Таблица 3. Средние вероятности самооценки удовлетворенности жизнью в следующем году в зависимости от самооценки в текущем году, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Самооценка в текущем году (t)	Самооценка в следующем году (t + 1)					
	Совсем не удовлетво- рены	Не очень удовлетво- рены	И да, и нет	Скорее удовлетво- рены	Полностью удовлетворены	Итого
Совсем не удо- влетворены	34,0	34,1	17,4	12,3	2,3	100,0
Не очень удо- влетворены	10,8	38,6	26,0	22,3	2,3	100,0
И да, и нет	5,0	22,0	37,5	31,8	3,7	100,0
Скорее удовлетворены	2,2	11,8	19,5	57,7	8,8	100,0
Полностью удовлетворены	2,0	7,2	12,1	45,6	33,2	100,0

Можно заметить, что наиболее устойчивые самооценки характерны для тех респондентов, которые в текущем году демонстрировали умеренную степень удовлетворенности своей жизнью (вариант «скорее удовлетворены»). Для таких респондентов вероятность совпадения своего текущего и будущего уровня удовлетворенности составляет около 58%. Остальные варианты субъективной оценки своей жизни также достаточно устойчивы, хотя вероятность остаться при своем текущем мнении ниже (33–38%). Наименее стабильными оказываются самооценки тех, кто в наименьшей степени ею удовлетворен. Для большинства уровней удовлетворенности жизнью наиболее вероятным оказывается переход на «соседний», более высокий уровень самооценки. Скачкообразные изменения самооценки сразу на несколько уровней для восприятия удовлетворенности жизнью оказываются скорее нехарактерными.

Таким образом, индивидуальные самооценки российского населения в 2000–2014 гг. в целом оказываются довольно изменчивыми, при этом наиболее мобильными оказываются оценки тех, кто помещает себя на нижних ступенях субъективных шкал. Тем не менее прошлое восприятие также играет немаловажную роль. Большинство представленных выше изменений предполагает рост или снижение самооценки не более чем на 2 балла по сравнению с предыдущей самооценкой, а вероятность сохранить прошлогодние представления о себе в некоторых случаях составляет чуть более 30%¹⁰.

¹⁰ Этот факт был подтвержден при оценивании МНК-регрессий на объединенных данных, в рамках которого лагированная самооценка респондента выступала в качестве ключевой объяснительной переменной его текущего самовосприятия. Во всех моделях коэффициенты при показателях предшествующей самооценки оказались значимы на уровне 1%, и ни одна из других контрольных переменных не вносила такого же большого вклада в формирование текущей самооценки.

Рассмотрев особенности мобильности социального самочувствия респондентов между двумя последовательными годами, перейдем к анализу траекторий их самооценок в более длительной перспективе.

5. Типы индивидуальных траекторий социального самочувствия

На рис. 1 представлена типология индивидуальных траекторий восприятия материального положения. Пунктир вокруг траекторий на графиках отображает границы доверительных интервалов для средних оценок показателя.

В подписях к каждому графику указаны доли групп респондентов, демонстрирующих траекторию определенного типа, в общей совокупности. Период наблюдения принимает значения от 1 до 15, отображая относительное время присутствия индивида в выборке, т.е. количество последовательных лет, которое он наблюдался в обследовании.

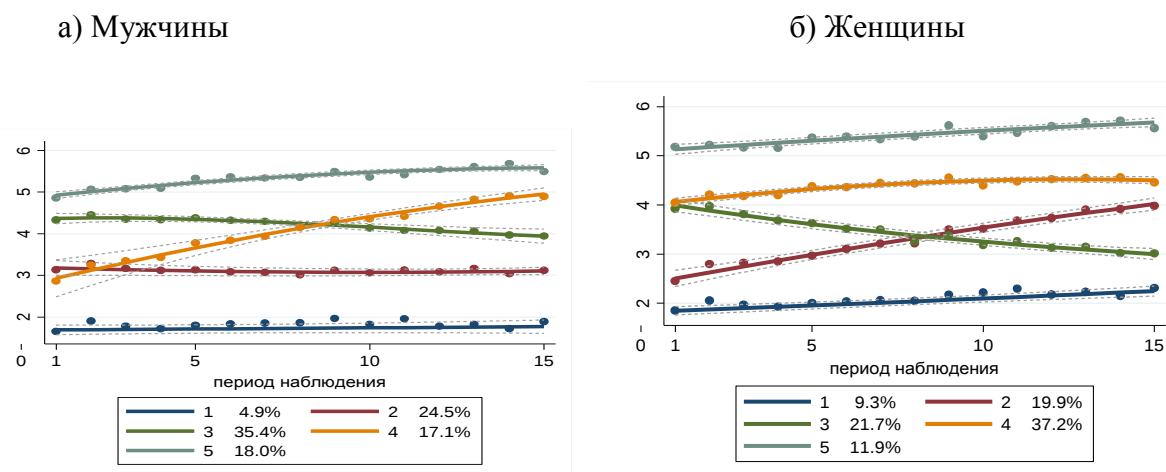

Рис. 1. Типология индивидуальных траекторий восприятия материального положения, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Примечание. Типология траекторий изменения восприятия материального положения была построена на основе данных о самооценках 17 074 мужчин и 21 122 женщин.

Можно выделить немногочисленную категорию мужчин (траектория типа 1), чьи представления о собственном материальном положении на протяжении всего периода стабильно остаются крайне низкими (1–2-я ступени). Их доля составляет 5%. Помимо этого, среди мужчин выделяется еще несколько типов «стабильных» траекторий восприятия материального положения. Так, почти 25% из них неизменно располагают себя на 3-й ступени шкалы материального благосостояния (траектория типа 2), еще 35% относят себя к 4-й ступени на протяжении всего периода (траектория типа 3). Траектория самовосприятия последней группы демонстрирует слабо выраженную тенденцию к ухудшению. Помимо этого, почти 17% мужчин характеризуются динамичным ростом оптимизма в оценке соб-

ственного материального положения (с 3 до 5 баллов по 9-балльной шкале) (траектория типа 4). Наконец, 18% мужчин можно отнести к категории преуспевающих (траектория типа 5). Они относят себя к 5-й и 6-й ступеням шкалы благосостояния и тем самым оценивают свое материальное положение выше всех остальных, а также демонстрируют устойчивое улучшение в восприятии собственного материального положения.

В табл. 3 Приложения представлены социально-демографические профили выделенных траекторий. Принадлежность респондента к той или иной групповой траектории, по всей видимости, является результатом сочетания нескольких отличительных черт. Так, наиболее благополучные мужчины с траекторией восприятия типа 5 чаще, чем представители других, обладают высшим образованием или статусом студента, имеют хорошее здоровье¹¹ и принадлежат к пятому квинтилю распределения среднегодовых душевых доходов. Мужчины, демонстрирующие траекторию типа 4 (динамично улучшающаяся низкая самооценка материального положения), как правило, состоят в браке и проживают в поселках городского типа или селах, обладают хорошим здоровьем и являются материально обеспеченными. Ухудшающиеся «средние» самооценки материального положения (траектория типа 3) характерны в большей степени для одиноких мужчин старше 50 лет, проживающих в городах-столицах (Москва и Санкт-Петербург). Устойчиво низкие самооценки материального положения (траектория типа 2) оказались в большей степени присущи проживающим в столицах пенсионерам, а самые пессимистические самооценки материального положения (траектория типа 1) – мужчинам-пенсионерам с плохим здоровьем, не состоящим в браке и проживающим в поселках городского типа или селах. Среди представителей последней группы менее всего представлены высокодоходные респонденты с высшим образованием. Ожидаемо, что чем ниже пролегает траектория самовосприятия, тем меньше доля представителей данной траектории, имеющих высокие среднегодовые душевые доходы¹².

Траектории восприятия материального положения среди женщин гораздо более изменчивы. Мы можем наблюдать самые разные варианты мобильности самооценок, два из которых предполагают рост представлений о собственном материальном положении во времени. Так, восприятие почти каждой пятой женщины предполагает значительное улучшение самооценки с 2 до 4 баллов по 9-балльной шкале. Помимо этого, траектория восприятия 38% женщин описывается устойчивым улучшением представлений о собственном материальном положении, которое позволяет им перейти с 4-й ступени на 5-ю.

¹¹ Согласно самооценке.

¹² Данная закономерность воспроизводится при анализе всех показателей социального самочувствия, как среди мужчин, так и среди женщин.

Выделяется также и категория наиболее благополучных женщин – они ставят себя выше всех остальных по шкале материального положения и демонстрируют рост самооценки, совершая в результате переход с 5-й на 6-ю ступень. Их доля составляет 12%. Траектория восприятия материального положения 22% женщин описывается плавно снижающейся самооценкой и переходом с 4-й на 3-ю ступень по соответствующей шкале. Существует и категория женщин с устойчивым крайне низким восприятием собственного материального положения (1–2-я ступени). Их самооценка практически не меняется на протяжении всего периода наблюдений, доля женщин с такой траекторией восприятия составляет 9%.

Анализ отличительных характеристик этих групп выявляет примерный социально-демографический портрет принадлежащих к ним женщин (табл. 2 Приложения). Наиболее благополучные женщины (траектория типа 5), как правило, обладают высшим образованием или приобретают его, имеют хорошее здоровье, состоят в браке и принадлежат к самому высокому квинтилю распределения среднегодовых душевых доходов. Женщины, демонстрирующие траекторию типа 4 (улучшающееся «среднее» восприятие материального положения), старше 50 лет, являются материально обеспеченными, обладают хорошим здоровьем, проживают в городах-столицах и не состоят в браке. Ухудшающиеся «средние» самооценки материального положения (траектория типа 3) являются характерными для не состоящих в браке женщин старше 50 лет, обладающих хорошим здоровьем. Женщины, относящиеся к траектории типа 2 (динамично улучшающаяся низкая самооценка материального положения), также старше 50 лет и не состоят в браке, однако проживают в городах-столицах и имеют статус пенсионера. Устойчиво плохое восприятие собственного материального положения (траектория типа 1) оказалось характерно для женщин, которые находятся в возрасте старше 50 лет и обладают статусом пенсионера, не состоят в браке, имеют плохое здоровье и проживают в ПГТ и селах. Как и в случае с аналогичной траекторией у мужчин, среди женщин, относящихся к данному типу, доля тех, кто имеет высшее образование или относится к пятому квинтилю по распределению среднегодовых душевых доходов, – самая низкая.

На рис. 2 представлены типологии индивидуальных траекторий самооценки уважения.

Как было продемонстрировано выше, в анализируемый период средние значения самооценки уважения российского населения находились на достаточно высоком уровне. Однако, как показывает настоящий анализ, этот средний уровень является результатом «перемешивания» очень разных траекторий восприятия уважения, испытываемого по отношению к себе со стороны других. К примеру, траектория подавляющего большинства

мужчин (41%) характеризуется устойчивым ростом самооценки, позволяющим им занять достаточно высокую 7-ю ступень.

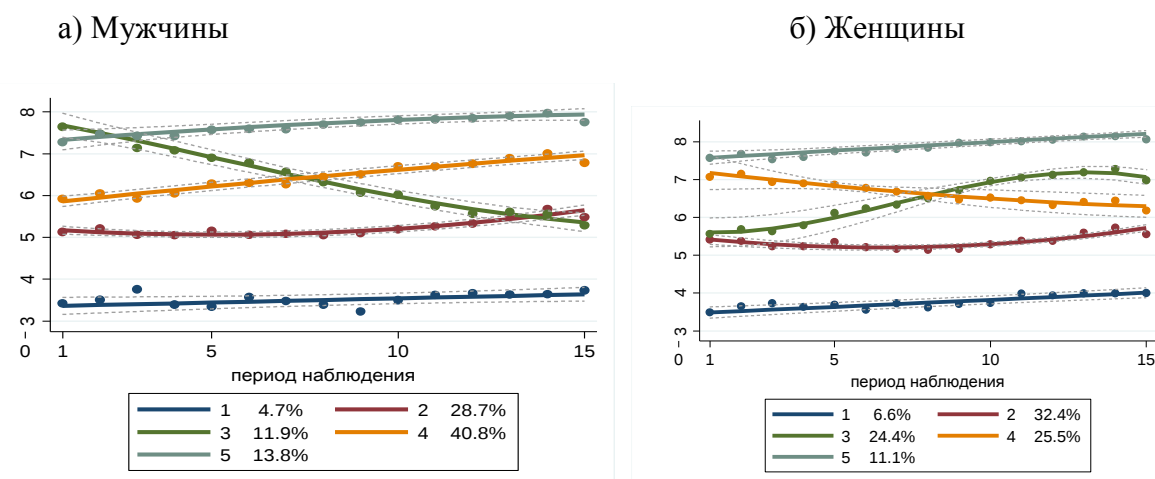

Рис. 2. Типология индивидуальных траекторий восприятия уважения, испытываемого по отношению к себе со стороны других, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Примечание. Типология траекторий изменения восприятия материального положения была построена на основе данных о самооценках 16 962 мужчин и 20 971 женщины.

В то же время восприятие мужчин, располагающих себя на низких (3–4-я ступени, 5%) или средних ступенях (5-я ступень, 29%), оставалось практически неизменным. Выделяется и категория мужчин, демонстрирующих значительное ухудшение самооценки уважения на протяжении всего рассматриваемого периода, которое привело к их перемещению с 8-й ступени шкалы уважения на 5-ю. Их доля составляет 12%. Траектории самооценки уважения мужчин, которые ставили себя на высокие позиции по шкале уважения, характеризуются дальнейшим улучшением восприятия на протяжении рассматриваемого периода (доля таких респондентов составляет 14%).

Социально-демографический портрет представителей групповых траекторий самооценок уважения в целом повторяет основные контуры характеристик траекторий восприятия материального положения (табл. 2 Приложения). Мужчины, относящиеся к наиболее благополучной группе (тип траектории 5), чаще других имеют высшее образование и хорошее здоровье, состоят в браке, проживают в Москве или Санкт-Петербурге и принадлежат к пятому квинтилю распределения среднегодовых душевых доходов. Представители траектории типа 4 (растущая «средняя» самооценка) находятся в возрасте старше 50 лет, отличаются хорошим здоровьем, проживают в городах-столицах и являются материально обеспеченными. Траектория типа 3 (динамично ухудшающаяся высокая самооценка уважения) оказывается характерна для мужчин, проживающих в ПГТ и селах, имеющих хорошее здоровье и состоящих в браке. Среди данной категории респондентов доля тех, кто принадлежит к самому высокому квинтилю распределения среднегодовых душевых дохо-

дов, невелика. Устойчивые «средние» самооценки уровня уважения, испытываемые по отношению к себе со стороны других (траектория типа 2), демонстрируют мужчины с хорошим здоровьем, имеющие статус студента. Устойчиво низкая траектория восприятия уважения (тип 1) описывает представления мужчин-пенсионеров с плохим здоровьем, не состоящих в браке и не имеющих высшего образования или высоких доходов.

Траектории восприятия уважения среди женщин в целом похожи на те, что были выделены для мужчин. Можно отметить две категории женщин, практически неизменных в своих оценках, – это те, кто в начале периода ставил себя на низкие (3–4-я ступени) и средние (5-я ступень) ступени по шкале уважения. Около 24% женщин относятся к группе, которая испытала значительное улучшение восприятия уважения (средние значения для них выросли с 5,5 до 7,5 балла). Еще 25% женщин, напротив, заметно ухудшили свою самооценку по сравнению с началом наблюдения, когда располагали себя на одних из самых высоких ступеней шкалы уважения. Немногочисленная доля женщин (7%) относится к категории тех, чья самооценка уважения на протяжении всего периода, оставаясь высокой, демонстрировала тенденцию к дальнейшему росту.

Траектории типа 5 в большей степени склонны следовать состоятельные женщины старше 50 лет с высшим образованием, имеющие статус пенсионеров и состоящие в браке (табл. 2 Приложения). Траектория, предполагающая ухудшение высокой самооценки (тип 4), описывает особенности представлений женщин, имеющих высшее образование или статус студента и проживающих в городах-столицах. Улучшающиеся «средние» самооценки уровня уважения (траектория типа 3) оказались характерны для обеспеченных замужних женщин с высшим образованием, обладающих хорошим здоровьем. Траектория типа 2 (устойчивый «средний» уровень восприятия уважения) в большей степени присуща не состоящим в браке женщинам старше 50 лет с хорошим здоровьем. Траекторию, предполагающую устойчиво низкие самооценки уважения (тип 1), демонстрируют незамужние женщины старше 50 лет без высшего образования, имеющие статус пенсионера и плохое здоровье, а также проживающие в поселках городского типа или селах. Среди представителей данной категории также в наименьшей степени распространены высокие среднегрупповые душевые доходы.

Рассмотрение типологии индивидуальных траекторий удовлетворенности жизнью позволяет уточнить картину особенностей социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг. (рис. 3). Можно сразу заметить, что для мужчин и женщин они очень похожи.

Выделяются категории респондентов, которые устойчиво демонстрируют наибольшую неудовлетворенность своей жизнью. Доля таких респондентов оказалась мала как среди мужчин (6%), так и среди женщин (7%). Еще около 20–25% респондентов стабильно

заявляли о средней степени удовлетворенности жизнью в течение анализируемого периода, а 7–8% – отмечали устойчиво высокое значение данного показателя. Для подавляющего большинства респондентов обоих полов в 2000–2014 гг. было характерно улучшение представлений о собственной жизни. Траектории восприятия удовлетворенности жизнью 19% мужчин и 14% женщин предполагали кардинальную смену знака оценки удовлетворенности своей жизнью с негативного на позитивный¹³.

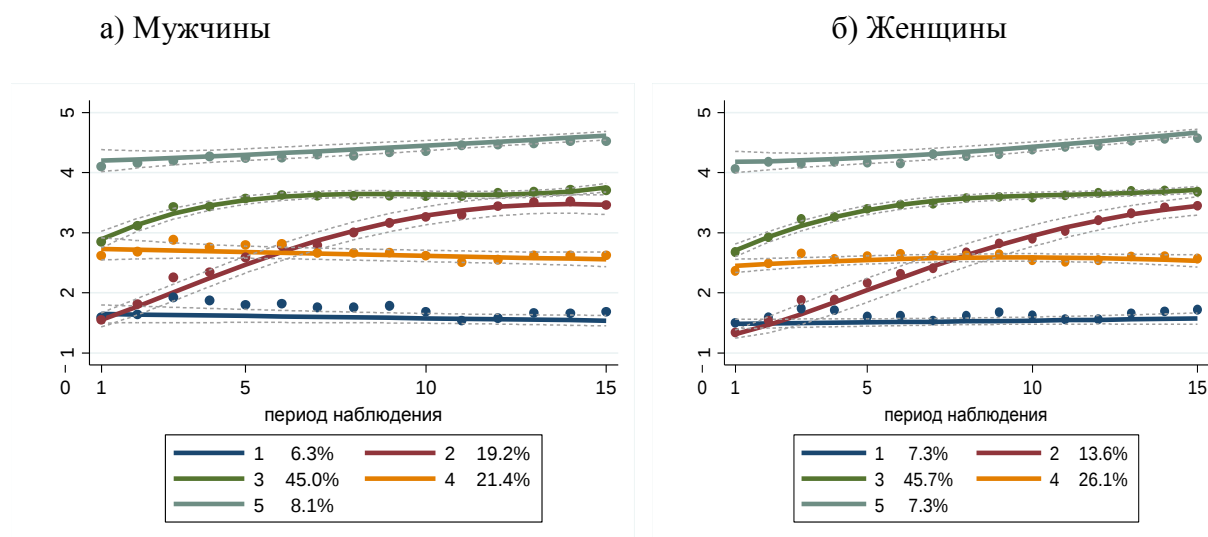

Рис. 3. Типология индивидуальных траекторий удовлетворенности жизнью, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Примечание. Типология траекторий изменения восприятия материального положения была построена на основе данных о самооценках 16 402 мужчин и 20 083 женщин.

Мужчины и женщины, демонстрирующие траекторию оценок удовлетворенности жизнью типа 5 (улучшающаяся высокая самооценка), как правило, имеют высокий душевой доход, состоят в браке, имеют хорошее здоровье, высшее образование или статус студента. Устойчивые «средние» оценки удовлетворенности жизнью (траектория типа 4) оказываются характерны для женщин старше 50 лет с хорошим здоровьем и женатых мужчин с хорошим здоровьем. Траектория типа 3 (динамичное улучшение «средней» самооценки) наблюдалась у материально обеспеченных мужчин и женщин старше 50 лет с хорошим здоровьем, проживающих в городах-столицах и не состоящих в браке. Динамично растущая оценка удовлетворенности жизнью (траектория типа 2) была распространена среди женатых мужчин, проживающих в селах и ПГТ, и женщин старше 50 лет, имеющих статус пенсионера, также проживающих в населенных пунктах типа ПГТ или села. Устойчивые низкие оценки удовлетворенности жизнью (траектория типа 1) были присущи одиноким

¹³ Напомним, что значения «1» и «2» описывают различную степень неудовлетворенности, а «4» и «5» – удовлетворенности своей жизнью.

мужчинам – жителям ПГТ или сел с плохим здоровьем и незамужним женщинам старше 50 лет, имеющим статус пенсионера и живущим в ПГТ или селах.

Исходя из этих результатов можно заключить, что наблюдавшийся в России в 2000–2014 гг. низкий средний уровень самооценок являлся результатом «складывания» нескольких различных траекторий восприятия, часть из которых предполагала значительное улучшение субъективных представлений индивидов. При этом выделенные траектории действительно представляли собой отличные варианты изменения социального самочувствия во времени – их доверительные интервалы не пересекаются между собой. Анализ социально-демографического профиля выделенных типов траекторий показывает, что те из них, что предполагают высокую самооценку или ее динамичное улучшение, связаны с наличием таких факторов социального статуса, как высокий доход, хорошее здоровье, высшее образование, проживание в столице и наличие супруга.

Как представители различных групп отреагировали на наступление экономического кризиса 2008–2009 гг.? Динамика средних не продемонстрировала какого-либо значимого ухудшения самовосприятия в кризисный период (см. выше). Однако шок доходов вполне может отразиться на индивидуальных траекториях социального самочувствия. При этом негативные последствия для респондентов с низкими самооценками теоретически могли быть выражены в большей степени, чем для субъективно благополучных респондентов. Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим распределение значений безусловного разрыва самооценок между 2008 и 2009 г. в зависимости от типа траектории социального самочувствия (рис. 1–3 Приложения). Анализируя графики распределения разрывов самооценки материального положения, можно заметить, что профили пяти траекторий в целом повторяют друг друга, однако в восприятии мужчин и женщин наблюдаются выраженные различия.

Так, в 2009 г. восприятие собственного материального положения у большинства мужчин ухудшилось на 1 балл вне зависимости от конкретной траектории восприятия материального положения (рис. 1 а) Приложения). При этом в наибольшей степени (49%) подобная реакция оказалась характерна для мужчин, отличающихся устойчиво плохим восприятием собственного материального положения (траектория типа 1). Среди мужчин – представителей других траекторий многие также часто испытывали ухудшение самооценки на 1 балл, однако их доли не превышали 34%. Доля мужчин, демонстрирующих ухудшение материального положения сразу на 2 балла по сравнению с докризисным периодом, также достаточно велика и варьируется от 15 до 22% в зависимости от типа траектории. В наибольшей степени данный вариант динамики самооценки материального положения оказался характерен для представителей траектории типа 2, т.е. мужчин с устойчиво низ-

кой самооценкой по данному параметру. В то же время почти каждый пятый мужчина вообще не отметил каких-либо изменений в собственном материальном положении в 2009 г. по сравнению с 2008 г. независимо от типа траектории восприятия. Наиболее стабильными представлениями в анализируемые два года отличались представители траектории с ухудшающимся «средним» уровнем восприятия материального положения (тип 3) и улучшающимся высоким уровнем восприятия (тип 5). Ожидаемо, что доли тех, кто отметил улучшение самооценки на 1–2 балла в 2009 г. по сравнению с 2008 г., были заметно меньше доли тех, кто отметил ухудшение на 1–2 балла.

Динамика представлений женщин о материальном положении между 2008 и 2009 г. демонстрирует абсолютно другую картину (рис. 1 б) Приложения). Большинство женщин вообще не испытали каких-либо изменений в воспринимаемом уровне материального положения вне зависимости от типа траектории. При этом наибольшей стабильностью отличались представления тех женщин, кто принадлежал к траектории с устойчивым плохим восприятием материального положения (тип 1, около 45%). Примечательно, что доля женщин, которые отметили ухудшение материального положения на 1 балл (20–22% в зависимости от типа траектории), примерно соответствует доле тех, кто отметил улучшение материального положения на 1 балл. Аналогичные результаты наблюдаются и при сравнении долей тех, кто отметил ухудшение и улучшение материального положения на 2 балла.

В отличие от субъективного материального положения динамика представлений об уровне уважения, испытываемого по отношению к себе, у мужчин и женщин похожа (рис. 2а), б) Приложения). Так, большинство мужчин и женщин, вне зависимости от типа траектории, не изменили свою самооценку в 2009 г. по сравнению с 2008 г. Наибольшую стабильность самооценок уважения в анализируемые два года демонстрировали мужчины и женщины, чья траектория восприятия уважения характеризуется растущей высокой самооценкой (траектория типа 5 как среди мужчин, так и среди женщин). Среди них соответствующая доля «устойчивых» представлений составляла 42–45%. При этом доля мужчин и женщин, опустившихся на одну ступень в 2009 г., примерно соответствует доле тех, кто поставил себя на одну ступень выше по сравнению с 2008 г. (15–20%).

Динамика восприятия удовлетворенности жизнью в 2008–2009 гг. среди мужчин и женщин в целом повторяет основные особенности восприятия уровня уважения (рис. 3а), б) Приложения). Подавляющее большинство мужчин и женщин в каждой из выделенных групп вообще не изменили свою оценку удовлетворенности жизнью в 2009 г. по сравнению с 2008 г. Среди мужчин и женщин наиболее устойчивые оценки удовлетворенности были характерны для тех, кто принадлежал к траектории типа 3 (динамично улучшающаяся «средняя» самооценка). Соответствующая доля составляла 50–52%. Наиболее

стабильные оценки удовлетворенности жизнью также концентрировались среди женщин, которые обладали растущей высокой самооценкой (траектория типа 5). Таким образом, можно предположить, что высокая самооценка или ее активный рост в предшествующий период создавали некий психологический запас прочности, который позволял самооценкам оставаться на докризисных отметках.

Подводя итоги представленному анализу, можно отметить, что наиболее заметное влияние экономического кризиса на социальное самочувствие наблюдалось при рассмотрении динамики показателя субъективного материального положения для мужчин. Подавляющее большинство из них отметило снижение соответствующей самооценки на 1–2 балла в 2009 г., в то время как восприятие материального положения среди женщин оказалось гораздо менее чувствительным к кризисным явлениям. Самооценки уважения и удовлетворенности жизнью слабее реагировали на кризисный шок 2009 г., чем восприятие материального положения. При этом значительных различий в реакции представителей разных траекторий выявить не удалось. Профили распределения разрывов самооценок повторяют друг друга. Однако если траектория социального самочувствия сопряжена с высокой самооценкой или ее ростом, то негативные последствия кризиса оказываются зачастую выражены слабее.

6. Эффект наступления важных жизненных событий

Помимо выделения групповых траекторий как таковых мы можем также оценить влияние наступления отдельных жизненных событий на траекторию изменения показателей самооценки. Как отмечалось выше, эффект наступления позитивных жизненных событий, как правило, сглаживается быстрее, чем шок от негативных. Таким образом, последствия этих событий для самовосприятия оказываются асимметричными. В этом отношении интересно рассмотреть как влияние вступления в брак, так и расторжения брака, а также проанализировать эффект потери работы и нахождения занятости.

Эффект вступления в брак

В рамках проведенного анализа рассматривалось влияние вступления в брак (гражданский или официальный) на траектории субъективных показателей материального положения, уважения и удовлетворенности жизнью. Для сравнения эффектов от наступления жизненного события для представителей разных траекторий предполагалось, что оно

наступает у всех в один и тот же момент времени в середине периода наблюдения¹⁴. Соответствующие графики представлены в Приложении (рис.4–8 Приложения).

Для мужчин вступление в брак в наибольшей степени сказывается на виде траекторий самооценки уважения и удовлетворенности жизнью (рис.4а)–4е) Приложения). На графиках заметны резкие, скачкообразные всплески соответствующих показателей, которые затем так и не сглаживаются, однако и не меняют общего направления траекторий, наблюдавшегося до наступления события. Эффект брака на траекторию восприятия материального положения мужчин выражен гораздо слабее. При этом позитивная динамика самооценок, связанная с изменением семейного статуса, характерна только для тех мужчин, которые ставят себя на низкие и средние ступени по субъективным шкалам. Наиболее успешные по собственным ощущениям мужчины вообще не отмечают каких-либо изменений в социальном самочувствии после вступления в брак.

Данные выводы во многом справедливы и для женщин. Женщины, ставящие себя на высокие ступени социальной лестницы и удовлетворенные своей жизнью, после вступления в брак практически не демонстрируют заметного улучшения самооценки. Вероятно, особую роль здесь играют ненаблюдаемые индивидуальные характеристики, которые определяют высокие самооценки мужчин и женщин до вступления в брак. Знаковым событием брак становится для тех женщин, кто по своим ощущениям занимает нижние ступени социальной иерархии. При этом, в отличие от мужчин, вступление в брак для женщины в большей степени влияет на самооценку материального положения и удовлетворенности жизнью в целом, чем на самооценку уважения, испытываемого по отношению к себе со стороны других. Траектории последней практически никак не отражают смену семейного статуса для женщины. Можно предположить, что для женщин с низкой самооценкой вступление в брак во многом ассоциируется с появлением экономической поддержки и относительной финансовой стабильностью. Для мужчин же вступление в брак, возможно, маркирует успешное прохождение жизненного этапа, связанного с ответственностью и зрелостью (реакцией на которое, в частности, является воспринимаемое ими возросшее уважение со стороны других).

Важно отметить, что представленные выше результаты для индивидов с низкой самооценкой, согласно которым самовосприятие после наступления жизненных событий не возвращается к прежнему уровню с течением времени, противоречит проведенным до это-

¹⁴ Используемый метод позволяет смоделировать последствия наступления жизненных событий в любой момент наблюдения, однако для наглядности была выбрана середина периода. Тестирование методики с выбором других периодов наблюдения в качестве момента наступления жизненных событий подтвердило устойчивость получаемых результатов.

го исследованиям. По всей видимости, для индивидов, которые ставят себя на низкие ступени социальной иерархии и не удовлетворены своей жизнью, изменение жизненных обстоятельств оказывается более важным и значимым, чем для тех, кто по собственным оценкам принадлежит к категории благополучных. Можно предположить, что обстоятельства, которые могут привести к позитивной динамике самовосприятия у индивидов с низкой самооценкой (карьерный и профессиональный рост, увеличение дохода), вероятно, редки [Luhmann, 2010], а потому они придают большее значение изменениям в своей личной жизни.

Эффект расторжения брака

Аналогично представленным выше результатам расторжение брака для мужчины в наибольшей степени сказывается на траектории восприятия уважения и удовлетворенности жизнью (рис. 5а)–5е) Приложения). Сразу после наступления события заметно отчетливое падение самооценок. Их прежний уровень практически не восстанавливается, однако общее направление траекторий субъективных показателей не изменяется. Как и в случае с эффектом заключения брака, прекращение семейных отношений сказывается в первую очередь на траектории самооценок тех мужчин, которые занимают невысокие позиции по анализируемым субъективным шкалам. Другой вариант значительного изменения в профиле траектории характерен для тех мужчин, которые демонстрировали динамичное снижение самооценок и до наступления развода. В таком случае эффект расторжения брака может стать неким дополнительным катализатором продолжающегося ухудшения социального самочувствия.

Наиболее чувствительными к расторжению брака также оказываются траектории восприятия тех женщин, кто по своим ощущениям находится в уязвимом положении – низко оценивают свой социальный статус и не удовлетворены жизнью. Чем выше расположена траектория социального самочувствия женщины, тем меньшее влияние оказывает развод на вид траектории. К примеру, траектория самооценки уважения изменяется в связи с расставанием с партнером только у тех женщин, которые оценивали уровень уважения по отношению к себе очень низко, даже находясь в замужнем статусе. В гораздо большей степени эффект развода затрагивает траектории представлений женщин о собственном материальном положении и удовлетворенности жизнью. Это согласуется с представленными выше результатами, согласно которым вступление в брак в большей степени повышает самооценку материального благосостояния и оценку собственной жизни в целом.

Появление ребенка

На рис. 6а)–6е) Приложения представлены последствия появления ребенка для траекторий социального самочувствия мужчин и женщин. Появление в домохозяйстве ребенка оказывает более выраженное влияние на траектории самооценок мужчин, чем на траектории женщин. Возможно, это связано с большей вовлеченностью женщины в процесс подготовки к появлению нового члена семьи, который сглаживает скачки самовосприятия в непосредственный момент изменения состава домохозяйства. При этом для мужчин появление ребенка в значительной степени проявляется в улучшении самооценки удовлетворенности жизнью, в то время как восприятие материального положения и уважения остается практически неизменным. Наиболее значительное положительное изменение траектории удовлетворенности жизнью оказывается характерно для тех мужчин, чья траектория и до появления ребенка характеризовалась динамичным подъемом самооценки.

Анализ траекторий самооценки материального положения и уважения после появления ребенка показывает, что позитивный эффект от появления ребенка в большей степени испытывают те, кто находится по собственным ощущениям на низких ступенях социальной иерархии. При этом на траекториях самовосприятия женщин это сказывается в меньшей степени.

Потеря и нахождение занятости

Анализируя последствия смены статуса на рынке труда, мы рассматриваем переходы между занятостью и незанятостью в целом, не дифференцируя последнюю на безработицу и экономическую неактивность.

Для мужчин переход в занятость из состояния незанятости сопряжен с выраженным всплеском самооценки материального положения и уважения, а также удовлетворенности жизнью, который приводит к смене самих траекторий (рис. 7а–7е) Приложения). Как и в рассмотренных выше случаях, первоначальный позитивный шок не сменяется выравниванием самооценки, вместо этого траектория переходит на новый, расположенный выше, уровень. Общее направление траекторий при этом не меняется. Примечательно, что позитивный эффект от нахождения работы оказывается в большей степени выражен для мужчин, чем для женщин.

Чем выше пролегает траектория социального самочувствия, т.е. чем лучше ощущает себя индивид в ситуации незанятости, тем слабее сказывается на его самооценках нахождение работы. Соответственно, сильнее всего переход в занятость отражается на траекториях тех индивидов, которые ощущают себя наиболее депривированными в ситуации незанятости. Значительных изменений к лучшему с точки зрения самовосприятия факт

нахождения работы для них не несет, однако приводит к некоторому улучшению социального самочувствия.

Потеря работы представляет собой перемещение индивида на рынке труда из состояния занятости в незанятость. Общие закономерности изменения траекторий социального самочувствия согласуются с приведенными выше (рис. 8а)–8е) Приложения). Потеря работы представляется более значимым негативным внешним шоком для траекторий самооценок мужчин, чем женщин. Ухудшение самооценок прослеживается по всем показателям социального самочувствия – субъективного материального положения, уважения и удовлетворенности жизнью. Чем выше пролегает траектория самооценки респондента по каждому из индикаторов социального самочувствия, тем меньше сказывается потеря занятости на профиле траектории. При этом потеря занятости также не приводит к радикальной смене направления траектории, которое наблюдалось до потери работы.

7. Заключение

Представленное исследование обсуждает мобильность и стабильность социального самочувствия россиян в период с 2000 по 2014 г. Несмотря на различные сложности, связанные с измерением и анализом самооценок, они являются незаменимыми показателями для исследователей и лиц, принимающих решения в области социальной политики. Именно то, как люди себя чувствуют, определяет то, как они себя ведут. Использование субъективных индикаторов может помочь в понимании того, была ли та или иная социальная реформа успешна или нет, указать на потребности и нужды населения, оценить масштаб общественной поддержки тех или иных социальных мер [Veenhoven, 2001].

Различные социологические исследования, проведенные в 2000-е годы, демонстрировали, что в среднем самовосприятие россиян оставалось на достаточно низком уровне, несмотря на наблюдавшийся на протяжении большей части периода экономический рост и активные социальные реформы. При этом до настоящего момента мы не имели возможности заглянуть внутрь этого «среднего» уровня и понять, какие траектории восприятия приводят к общему низкому уровню социального самочувствия.

Представленные выше результаты показывают, что социальное самочувствие людей отнюдь не является «законсервированным». Доля респондентов, ежегодно меняющих свои представления о себе, достаточно велика. Примечательно, что в анализируемый период восходящая мобильность самооценок по показателям удовлетворенности жизнью и субъективному социальному статусу была характерна для тех, кто ощущал себя наиболее депривированным – располагал себя на низких ступенях субъективных шкал. Можно предположить, что именно такие люди в большей степени почувствовали на себе позитив-

ный эффект от преобразований в экономике и социальной сфере в 2000–2014 гг. Наибольшей устойчивостью отличались самооценки тех, кого можно назвать «середнячками» – умеренно оценивающих свой уровень удовлетворенности жизнью и социальное положение. При этом чем выше прошлая самооценка, тем меньше оказывалась вероятность ее дальнейшего роста.

Наблюдаемый низкий средний уровень самооценок является результатом «перемешивания» нескольких очень различных траекторий. Некоторые из них можно описать как стабильные (т.е. самооценка респондента остается на одном и том же уровне в течение всего периода наблюдений), в то время как другие предполагают значительную мобильность самооценок – их рост или падение. Такие «мобильные» траектории оказываются присущи примерно половине респондентов. Принадлежность к той или иной групповой траектории объясняется сочетанием нескольких отличительных черт и, вполне ожидаемо, что «лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным». Траектории восприятия, связанные с высокой самооценкой и/или ее динамичным улучшением, предполагают наличие таких характеристик, как высокий доход, хорошее здоровье, высшее образование, проживание в столице и наличие супруга. В свою очередь траектории, сопряженные с наличием низкой самооценки и/или ее ухудшением, присущи респондентам с невысоким доходом и отсутствием высшего образования, плохим здоровьем, отсутствием партнера и проживанием в ПГТ и селах.

Экономический кризис 2008–2009 гг. довольно умеренно отразился на самовосприятии россиян. Какой-либо выраженный эффект удалось обнаружить только для мужчин при рассмотрении показателя субъективного материального положения. Однако если тип траектории социального самочувствия сопряжен с высокой самооценкой или ее ростом, то какие-либо негативные последствия кризиса вообще не отмечались. Вероятно, самооценка представителей подобных траекторий обладала определенным запасом психологической прочности, который позволил ей удержаться на докризисных значениях.

Еще одна важная тема, возникающая в связи с обсуждением мобильности и стабильности социального самочувствия, – это эффект наступления жизненно важных событий. Как те или иные события жизни влияют на форму и направление траектории самовосприятия? Насколько продолжительно их влияние и обратимо ли оно вообще? Результаты настоящего исследования частично согласуются с выводами зарубежных авторов. Набор жизненных событий, приводящих к улучшению социального самочувствия, вполне ожидаем. Среди них нахождение работы, вступление в брак, появление детей. Потеря работы и развод, в свою очередь, приводят к заметному ухудшению социального самочувствия. Неожиданным результатом оказалось то, что в российском случае наступление жизненно

важных событий имеет наиболее выраженное воздействие на траектории социального самочувствия тех, кто ощущает себя наименее благополучными. Траектория их восприятия после наступления жизненных событий меняется, а уровень социального самочувствия более не возвращается к прежним значениям. В противоположность этому самые благополучные по самооощущениям респонденты вообще не отмечают каких-либо изменений в социальном самочувствии после наступления жизненно важных событий. Тем самым для индивидов, которые ставят себя на низкие ступени социальной иерархии и не удовлетворены своей жизнью, изменение жизненных обстоятельств (улучшение или ухудшение) имеет гораздо большее значение, чем для тех, кто ставит себя на высокие ступени субъективных шкал.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в российском обществе существуют определенные категории населения, чье социальное самочувствие вполне благоприятно. Это люди с высоким образованием и доходом, хорошим здоровьем, проживающие в городах столичного статуса. Особенности их самовосприятия, предполагающие высокую самооценку или ее динамичный рост, позволяют ему справляться с негативными жизненными событиями, включая кратковременный шок доходов, с которым был связан кризис 2008–2009 гг. Однако от трети до половины населения составляет другая категория – люди, чьи самооценки низки или стабильно снижаются. Причины их негативного самовосприятия – низкий уровень образования и низкий доход, плохое здоровье, инфраструктурные проблемы, характерные для небольших населенных пунктов. Именно они чувствительнее всего реагировали на успехи экономической и социальной политики первой половины 2000-х годов, однако они же и острее других переживали последствия экономического кризиса и различных жизненных неурядиц. Поэтому можно сказать, что наше исследование вновь высвечивает основные болевые точки в социальной структуре российского общества.

Библиография

Андрееenkova Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5. С. 189–215.

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Зудина А.А. Динамика субъективного социального статуса при потере работы: анализ профессиональных различий // Мир России. 2016. Т. 25. № 4.

Латин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти / IX Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: ВШЭ, 2007.

Лукьянова А.Л. Динамика и структура неравенства по заработной плате (1998–2005 гг.): препринт WP3/2007/06. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». М.: Изд. дом ВШЭ, 2007.

Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2007.

Тихонова Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19–33.

Тихонова Н.Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социологические исследования. 2015а. № 12. С. 16–27.

Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг.: доклад к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.

Campbell A., Converse P., Rodgers W. The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations and Satisfactions. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1976.

Easterlin R.A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence / P.A. David, M.W. Reder (eds): Nations and Households in Economic Growth – Essays in Honor of Moses Abramovitz. N.Y.; L., 1974.

Gadermann A.M., Zumbo B.D. Investigating the intra-individual variability and trajectories of subjective well-being // Social Indicators Research. 2007. Vol. 81. P. 1–33.

Hall J., Ring J. The relationship between subjective and objective indicators of individual well-being: a linear modelling approach. Materials of UK/USA SSRC Conference on Subjective Measures of Quality of Life, 1975.

Hamermesh D.S. The Changing Distribution of Job Satisfaction // Journal of Human Resources. 2001. No. 36. P. 1–30.

Headey B. Subjective well-being: Revisions to dynamic equilibrium theory using national panel data and panel regression methods // *Social Indicators Research*. 2006. Vol. 79. P. 369–403.

Kahnemann D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 263–291.

Kahneman D. et al. (eds). *Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1999.

Lucas R.E. et al. Reexamining adaptation and the set point model of happiness: Reactions to changes in marital status // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. P. 527–539.

Luhmann M. et al. Not everything happens to anybody. Subjective well-being as a predictor of life events. Conference materials of 11th annual meeting of the Society for Personality and Social Psychology. Las Vegas, 2010.

Luhmann M. et al. Subjective Well-Being and Adaptation to Life Events: A Meta-Analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 102. No. 3. P. 592–615.

Merton R.K. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // *Social Forces*. 1995. Vol. 74. No. 2. P. 379–424.

Nagin D. *Group-Based Modeling of Development*. Cambridge, MA, USA: Harvard University Press, 2005.

Nagin D., Jones B. A Stata Plugin for Estimating Group-Based Trajectory Models. Indiana University Working paper. 2012 <http://ssrc.indiana.edu/seminars/wimdocs/2013-03-29_nagin_trajectory_stata-plugin-info.pdf>

Stones M.J. et al. Happiness has traitlike and statelike properties: A reply to Veenhoven // *Social Indicators Research*. 1995. Vol. 36. P. 129–144.

Thomas W.I., Thomas D.S. *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. Knopf, 1928.

Veenhoven R. Is happiness a trait? Tests of the theory that a better society does not make people any happier? // *Social Indicators Research*. 1994. Vol. 32. P. 101–160.

Veenhoven R. Why social policy needs subjective indicators? WZB Discussion Paper. 2001. No. FS III 01-404.

Veenhoven R. Sociological theories of subjective well-being // *The Science of Subjective Well-being: A tribute to Ed Diener / M. Eid, R. Larsen* (eds). N.Y.: Guilford Publications, 2008. P. 44–61.

Weber M. Class, status and party // *Class, status and power / R. Bendix, S. Lipset* (eds). N.Y.: Free Press, 1966.

Приложение

Таблица 1. Средние самооценки социального самочувствия, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Показатели социального самочувствия	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Субъективное материальное положение (по шкале от 1 до 9)</i>															
Среднее	3,7	3,8	3,8	3,8	3,9	3,9	3,9	3,9	4,1	4,0	4,0	4,0	4,1	4,1	4,0
Стандартная ошибка	0,02	0,01	0,01	0,01	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
<i>Субъективное уважение (по шкале от 1 до 9)</i>															
Среднее	5,9	6,0	5,9	5,9	6,1	6,0	6,0	6,0	6,1	6,2	6,3	6,3	6,4	6,5	6,2
Стандартная ошибка	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
<i>Удовлетворенность жизнью (по шкале от 1 до 5)</i>															
Среднее	2,4	2,6	2,9	2,9	3,0	3,1	3,1	3,2	3,2	3,2	3,2	3,2	3,3	3,3	3,3
Стандартная ошибка	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01

Таблица 2. Характеристики групповых траекторий социального самочувствия, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

А) Субъективное материальное положение					
<i>Мужчины</i>					
Характеристики	Группа 1 – устойчиво плохое, %	Группа 2 – устойчиво низкое, %	Группа 3 – ухудшающееся среднее, %	Группа 4 – динамично улучшающееся низкое, %	Группа 5 – улучшающееся высокое, %
наличие высшего образования	7,4	14,8	14,9	20,5	27,8
хорошее здоровье по само- оценке	60,6	65,5	69,8	70,7	76,5
состояние в браке	54,1	66,1	50,5	71,6	65,9
проживание в ПГТ/селах	32,4	27,0	25,8	34,1	29,5
проживание в столице	10,9	15,1	14,4	12,8	10,8
наличие статуса студента	4,3	4,3	4,6	4,0	7,5
наличие статуса пенсионера	33,5	30,6	14,7	24,1	14,5
доля людей старше 50 лет	45,3	39,6	50,4	32,8	24,9
принадлежность к 5-му квин- тилю распределения среднего- довых душевых доходов	8,9	14,9	20,9	24,1	29,1

<i>Женщины</i>					
Характеристики	Группа 1 – устойчиво плохое, %	Группа 2 – динамично улучшающееся низкое, %	Группа 3 – ухудшающееся среднее, %	Группа 4 – улучшающееся среднее, %	Группа 5 – улучшающееся высокое, %
наличие высшего образования	9,7	22,0	19,4	20,8	32,5
хорошее здоровье по самооценке	43,9	48,0	53,7	59,6	65,9
состояние в браке	38,9	48,3	49,0	44,5	58,2
проживание в ПГТ/селах	30,4	27,0	24,1	24,6	30,5
проживание в столице	10,0	17,3	15,2	15,7	10,7
наличие статуса студента	2,6	2,9	4,1	5,6	8,4
наличие статуса пенсионера	55,6	49,3	41,4	22,7	19,8
доля людей старше 50 лет	61,4	53,9	48,1	51,4	26,9
принадлежность к 5-му квинтилю распределения среднего-довых душевых доходов	8,7	15,1	18,6	21,6	30,4

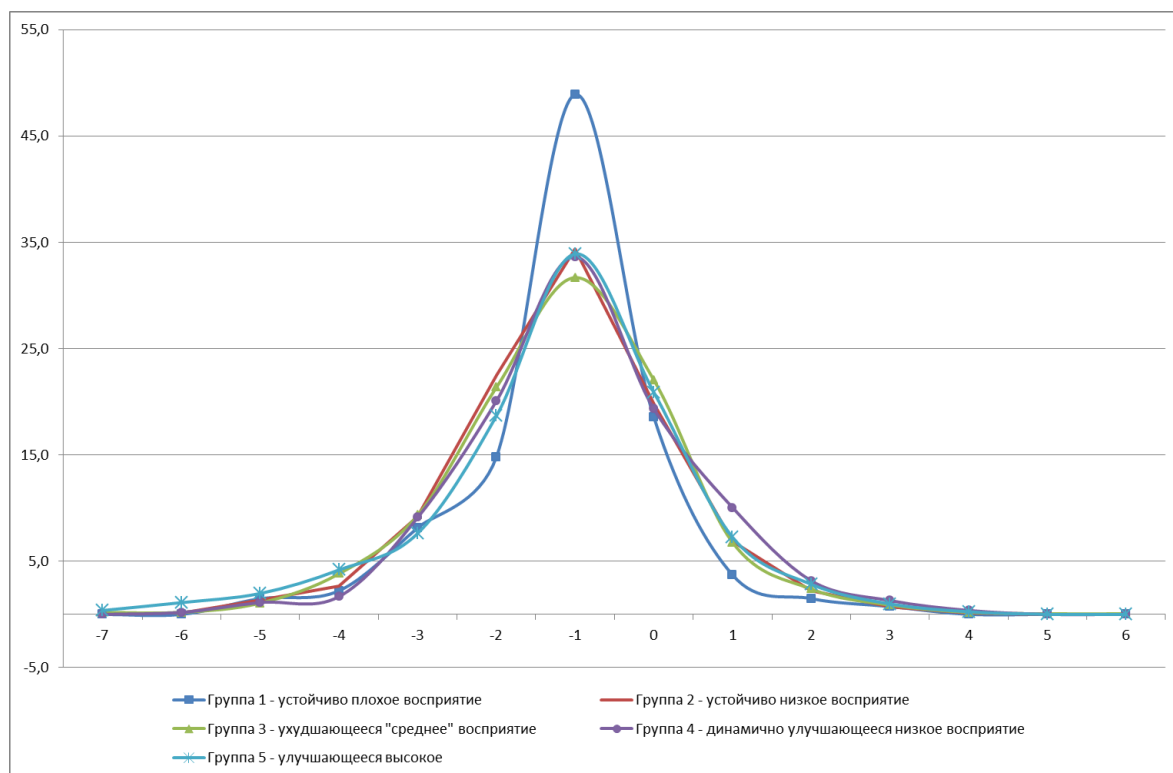
Б) Субъективное уважение					
<i>Мужчины</i>					
Характеристики	Группа 1 – устойчиво низкое, %	Группа 2 – устойчивое среднее, %	Группа 3 – динамично ухудшающееся высокое, %	Группа 4 – улучшающееся среднее, %	Группа 5 – улучшающееся высокое, %
наличие высшего образования	8,4	15,0	16,7	16,3	27,2
хорошее здоровье по самооценке	62,9	70,2	70,9	69,3	70,8
состояние в браке	50,6	61,7	66,5	52,4	77,3
проживание в ПГТ/селах	32,8	29,4	40,2	26,3	21,9
проживание в столице	12,2	12,7	10,9	14,5	13,8
наличие статуса студента	4,9	6,1	5,1	4,6	3,3
наличие статуса пенсионера	33,9	22,5	27,5	15,6	27,5
доля людей старше 50 лет	42,4	32,1	35,1	49,7	36,8
принадлежность к 5-му квинтилю распределения среднего-душевых доходов	7,5	18,5	15,7	21,1	28,6

<i>Женщины</i>					
Характеристики	Группа 1 – устойчиво низкое, %	Группа 2 – устойчивое среднее, %	Группа 3 – улучшающееся среднее, %	Группа 4 - ухудшающееся высокое, %	Группа 5 – улучшающееся высокое, %
наличие высшего образования	11,7	15,2	28,5	23,9	31,2
хорошее здоровье по самооценке	47,6	56,9	58,1	55,9	55,2
состояние в браке	42,1	38,6	56,4	53,1	54,5
проживание в ПГТ/селах	30,9	27,3	21,2	27,6	19,9
проживание в столице	12,8	13,6	16,4	17,8	14,4
наличие статуса студента	3,7	4,6	5,2	6,4	3,7
наличие статуса пенсионера	51,3	26,8	32,8	33,9	41,6
доля людей старше 50 лет	56,5	58,4	39,9	39,1	46,7
принадлежность к 5-му квинтилю распределения среднего- довых душевых доходов	7,9	16,5	26,9	19,3	31,1

В) Удовлетворенность жизнью					
<i>Мужчины</i>					
Характеристики	Группа 1 – устойчиво низкое, %	Группа 2 – динамично улучшающееся низкое, %	Группа 3 – динамично улучшающееся среднее, %	Группа 4 – устойчиво среднее, %	Группа 5 – улучшающееся высокое, %
наличие высшего образования	13,1	14,4	17,1	15,7	22,2
хорошее здоровье по самооценке	61,4	62,9	70,7	67,4%	76,0
состояние в браке	58,7	72,4	53,5	67,9	63,5
проживание в ПГТ/селах	32,0	35,9	25,9	28,2	30,7
проживание в столице	9,0	12,5	14,8	11,6	12,8
наличие статуса студента	2,1	1,4	5,5	3,3	8,9
наличие статуса пенсионера	29,5	30,4	16,9	24,6	16,1
доля людей старше 50 лет	39,3	37,6	46,8	34,4	26,5
принадлежность к 5-му квинтилю распределения среднего-довых душевых доходов	12,4	12,4	21,6	18,5	30,3

<i>Женщины</i>					
Характеристики	Группа 1 – устойчиво низкое, %	Группа 2 – динамично улучшающееся низкое, %	Группа 3 – ди- намично улуч- шающееся среднее, %	Группа 4 – устойчиво среднее, %	Группа 5 – улучшающееся высокое, %
наличие высшего образования	13,2	16,6	21,6	19,5	29,4
хорошее здоровье по самооценке	43,0	42,0	59,5	52,1	64,2
состояние в браке	40,9	47,0	45,4	49,8	55,7
проживание в ПГТ/селах	31,3	36,5	24,0	25,9	30,1
проживание в столице	8,2	11,5	16,7	12,5	13,3
наличие статуса студента	0,9	1,2	6,0	2,7	9,3
наличие статуса пенсионера	49,3	52,2	26,7	39,2	25,2
доля людей старше 50 лет	56,0	56,9	51,2	45,2	32,8
принадлежность к 5-му квин- тилю распределения среднего- довых душевых доходов	11,3	10,2	21,8	16,8	31,2

а) Мужчины

б) Женщины

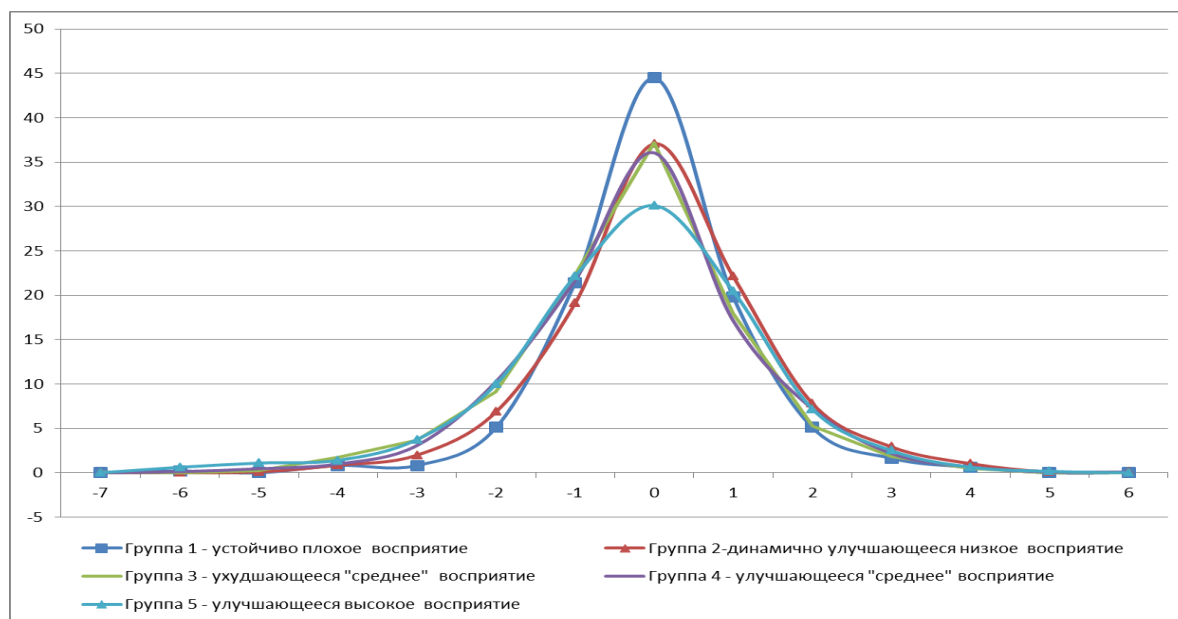
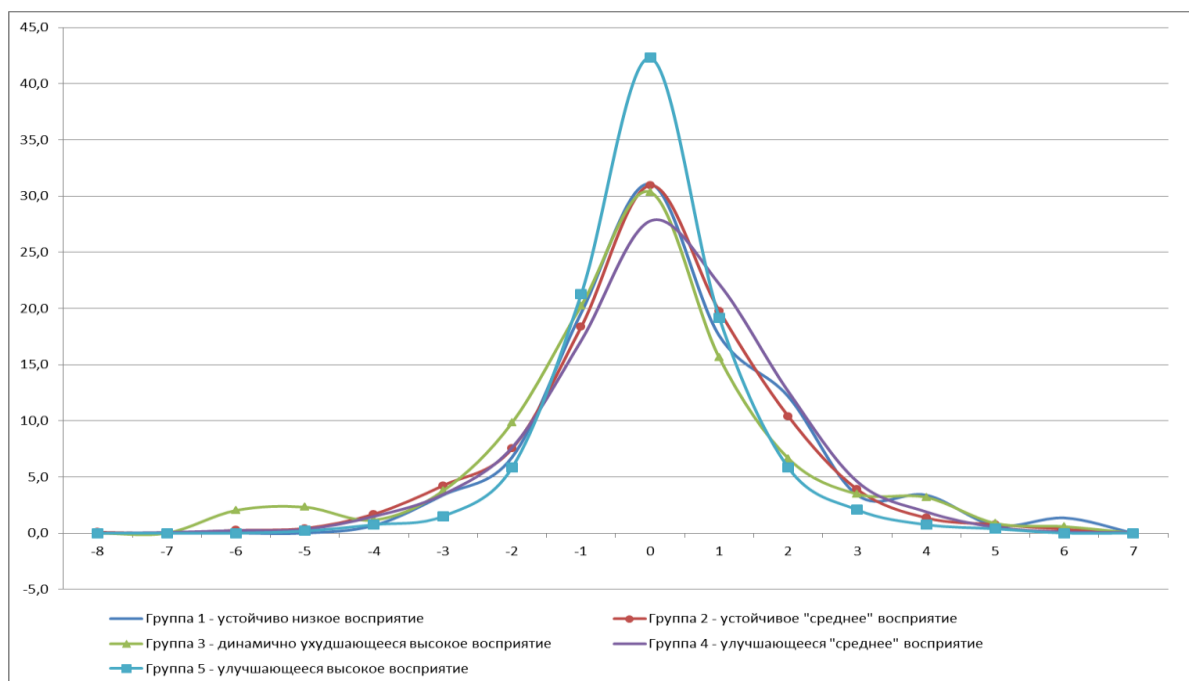

Рис. 1. Динамика самооценки материального положения в 2008–2009 гг., в зависимости от типа траектории, РМЭЗ НИУ ВШЭ.

а) Мужчины

б) Женщины

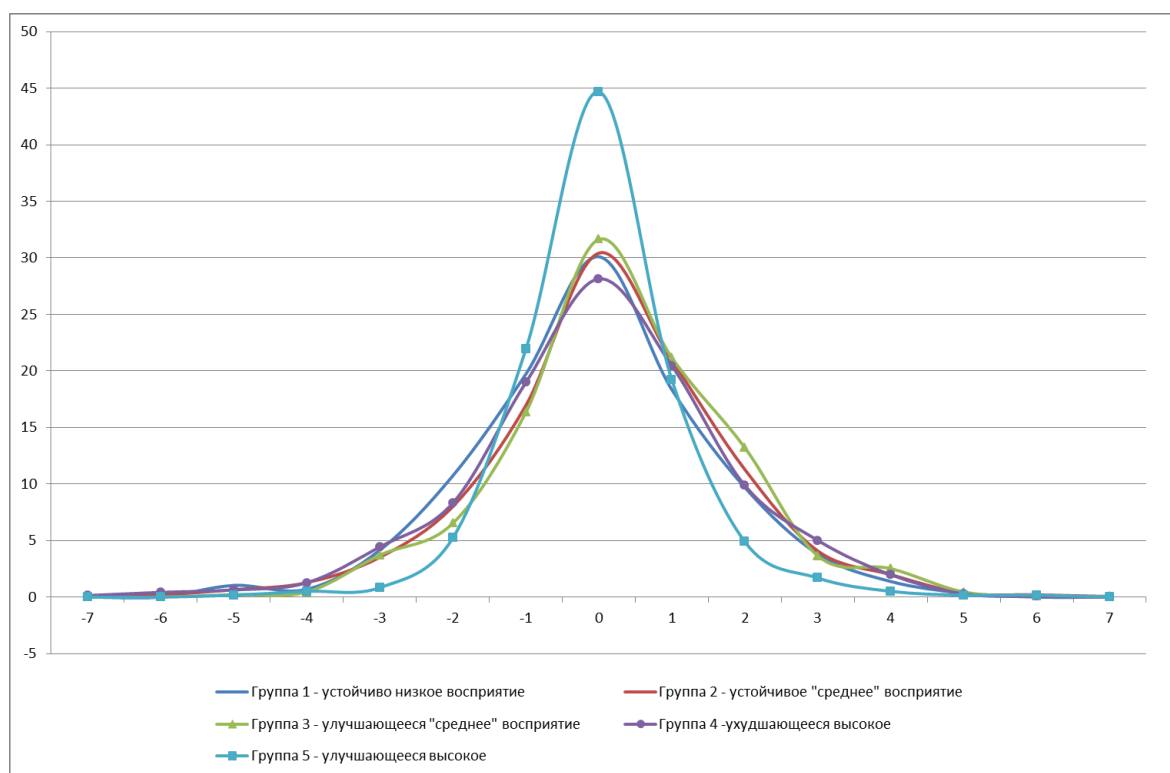
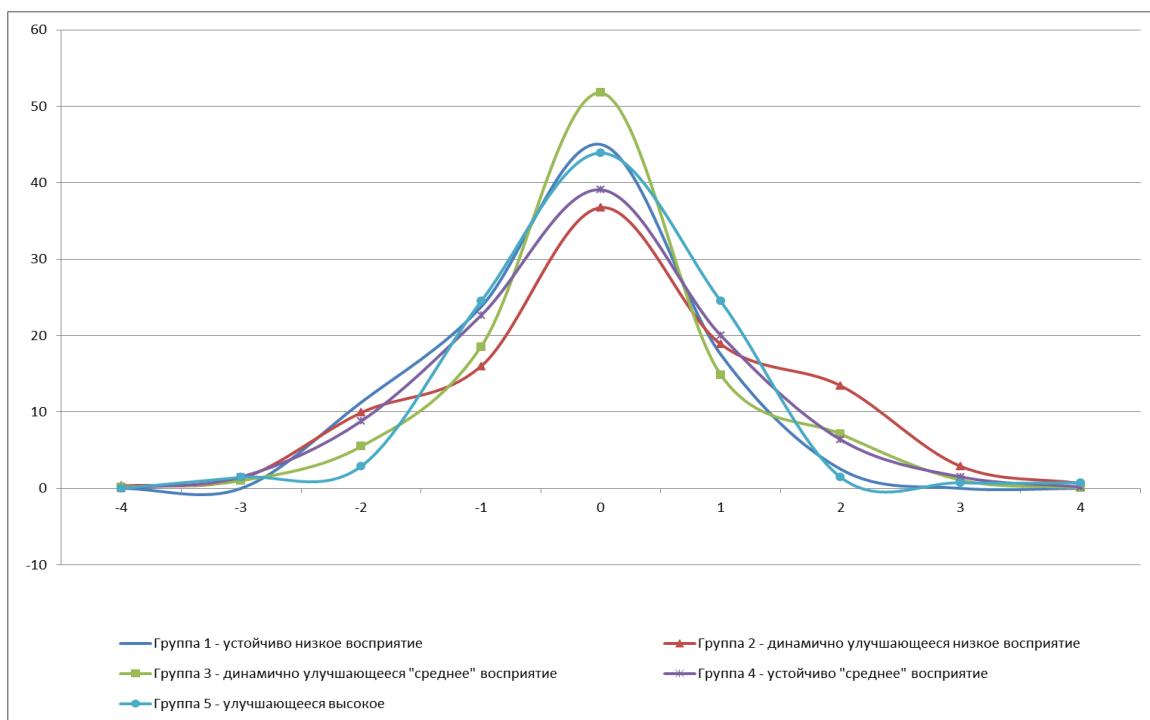

Рис. 2. Динамика самооценки уважения в 2008–2009 гг., в зависимости от типа траектории, РМЭЗ НИУ ВШЭ

а) Мужчины

б) Женщины

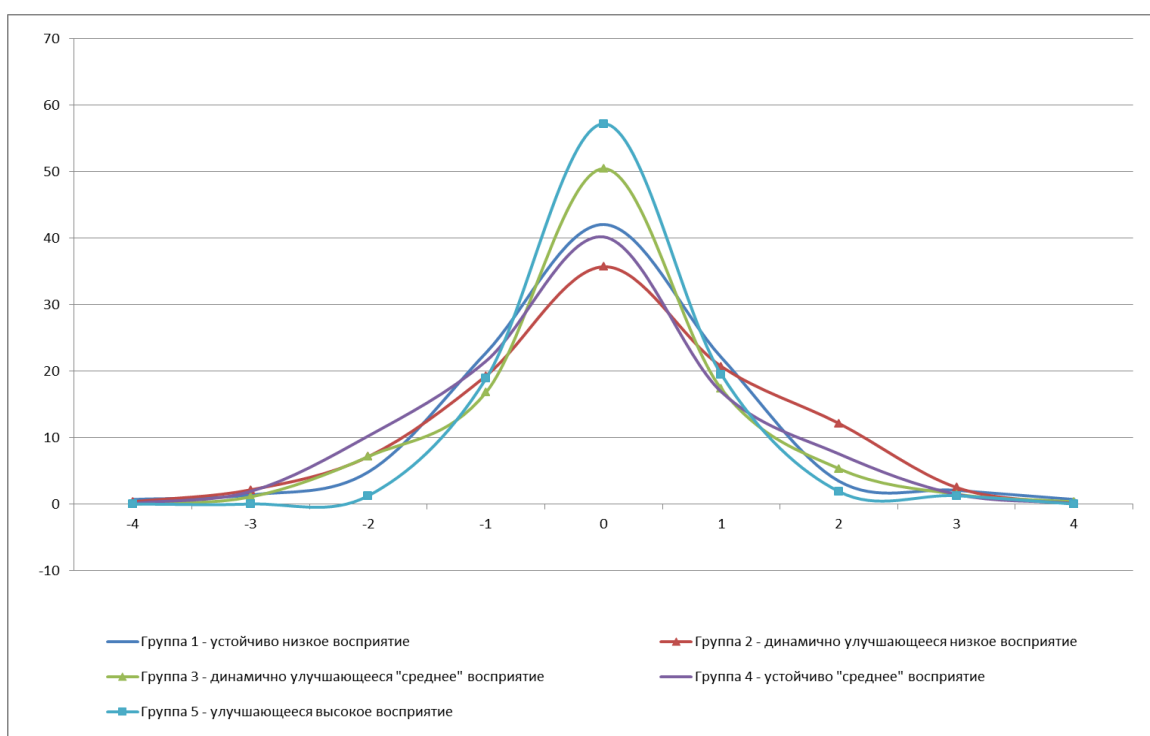
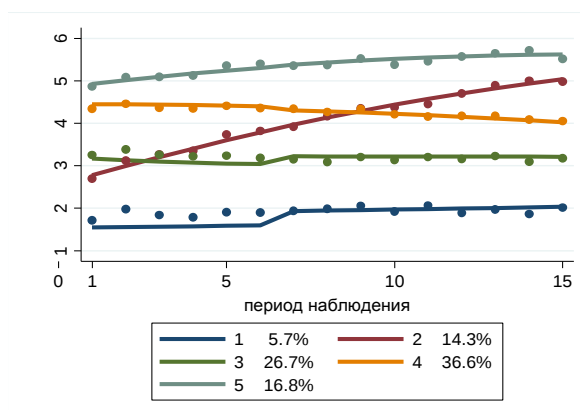
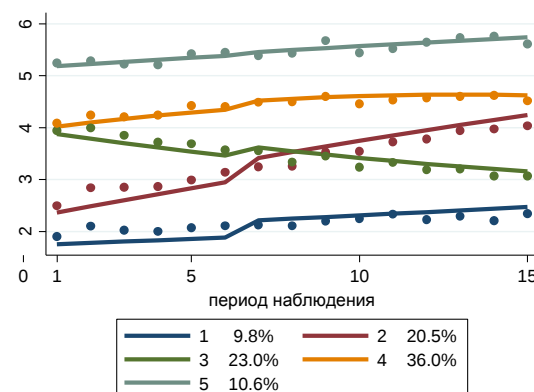

Рис. 3. Динамика самооценки удовлетворенности жизнью в 2008–2009 гг., в зависимости от типа траектории, РМЭЗ НИУ ВШЭ

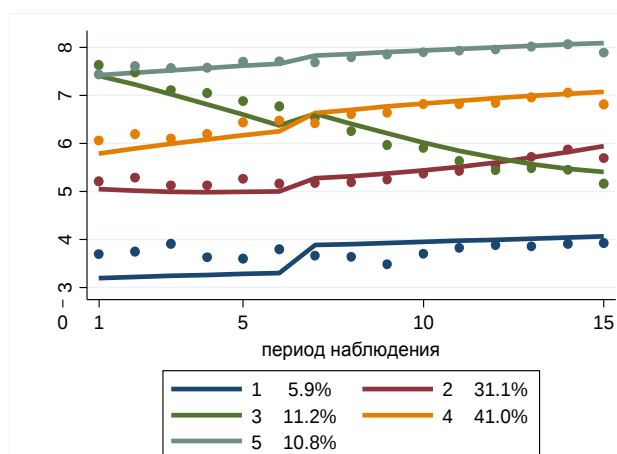
а) Мужчины

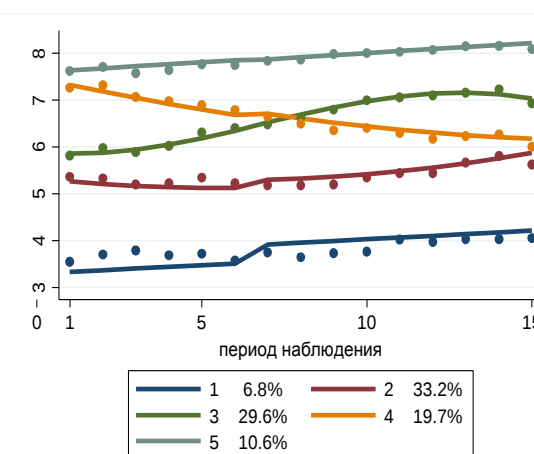
б) Женщины

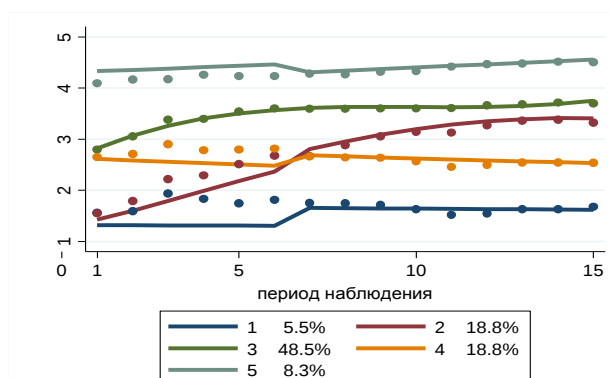
в) Мужчины

г) Женщины

д) Мужчины

е) Женщины

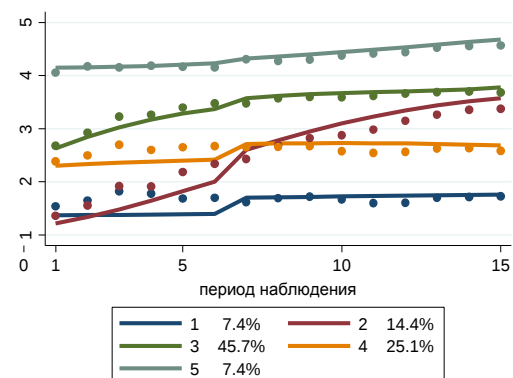
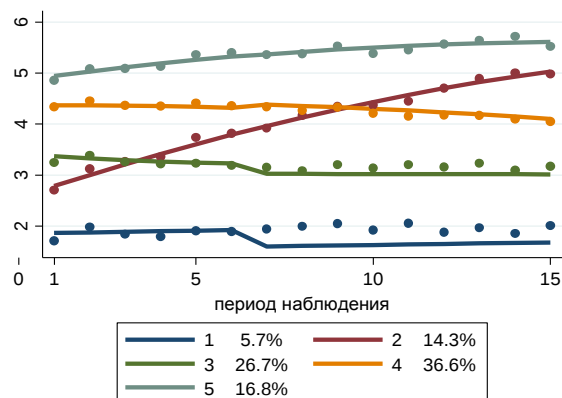

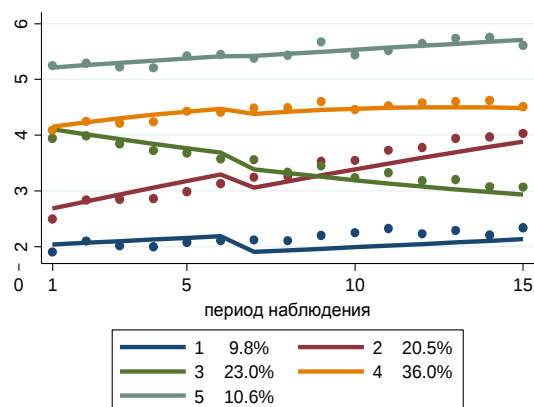
Рис. 4. Вступление в брак и траектории социального самочувствия, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Примечание. Точки обозначают линию траекторий социального самочувствия у респондентов, которые состояли в браке все время.

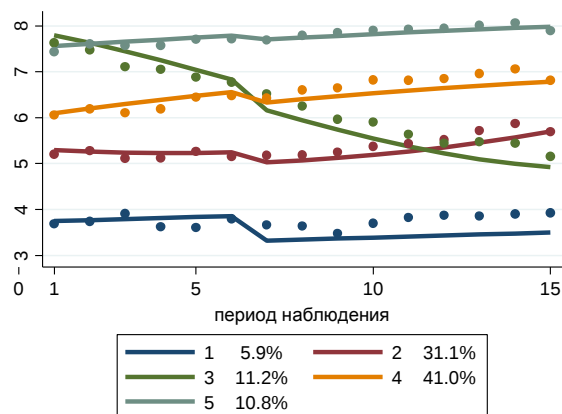
а) Мужчины

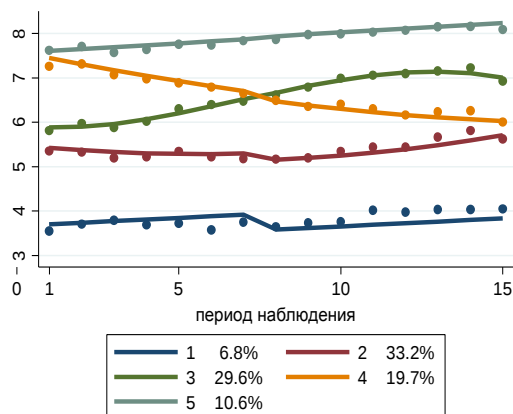
б) Женщины

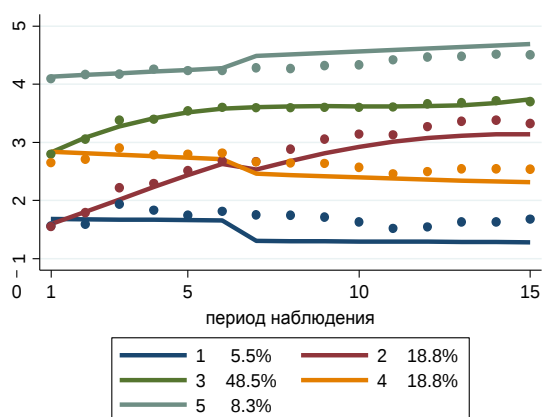
в) Мужчины

г) Женщины

д) Мужчины

е) Женщины

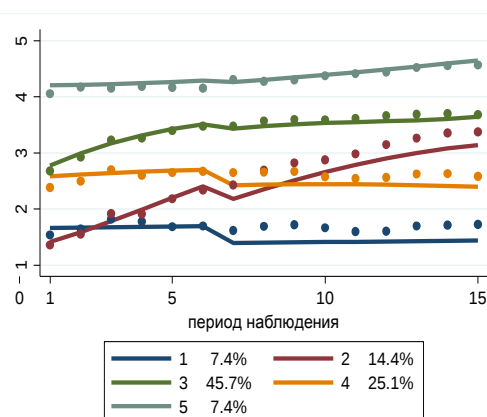
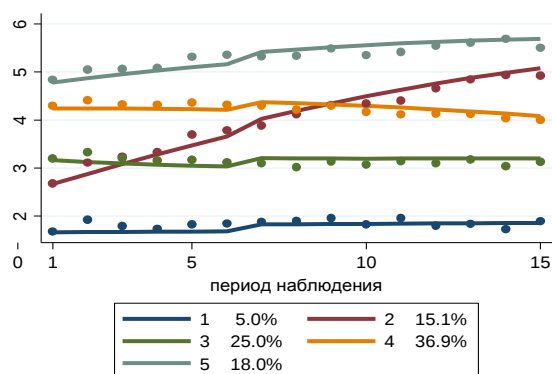

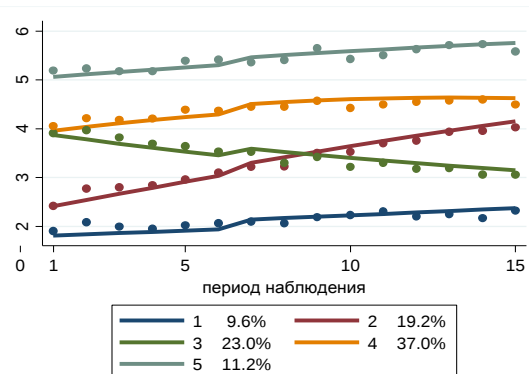
Рис. 5. Расторжение брака и траектории социального самочувствия, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Примечание. Точки обозначают линию траекторий социального самочувствия у респондентов, которые состояли в браке все время.

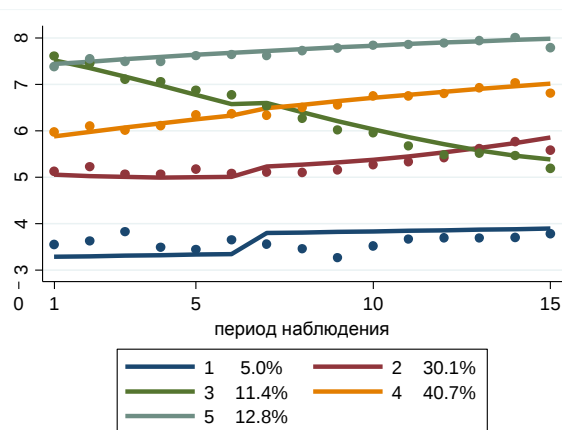
а) Мужчины

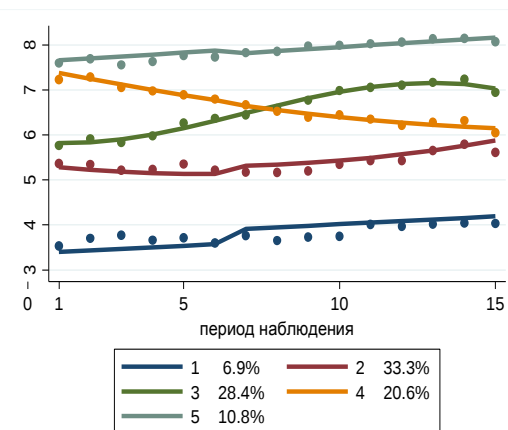
б) Женщины

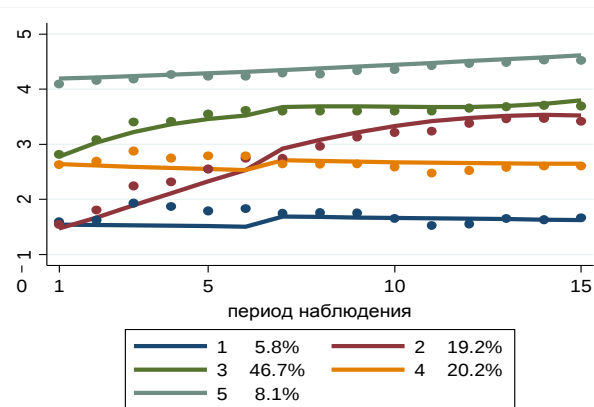
в) Мужчины

г) Женщины

д) Мужчины

е) Женщины

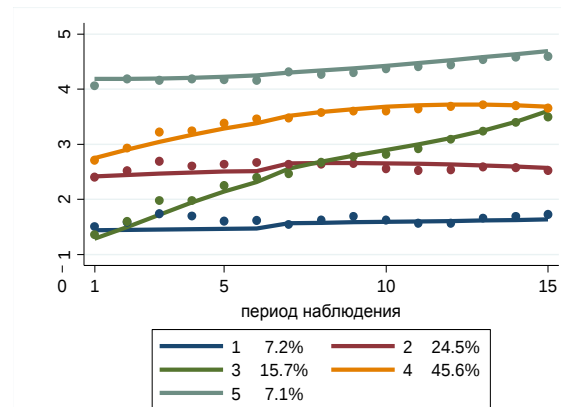
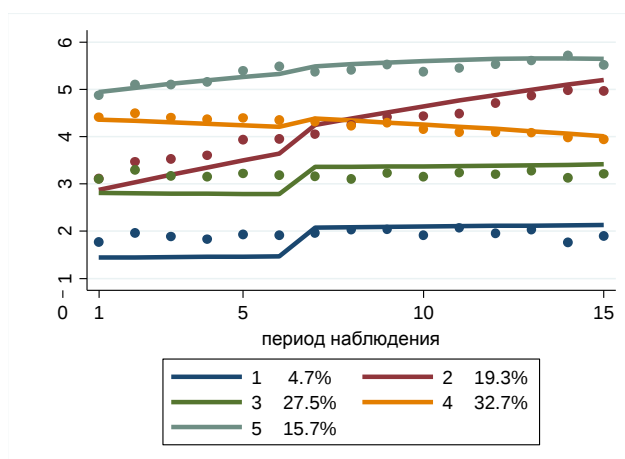

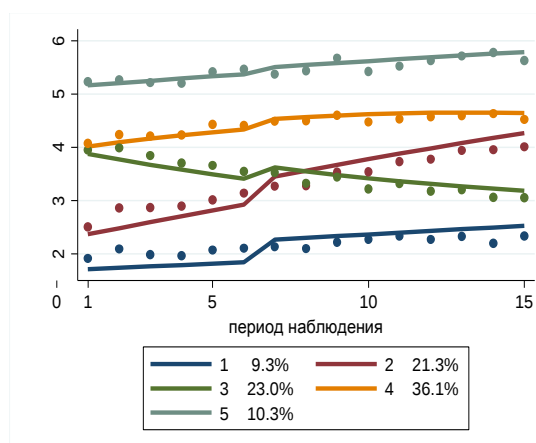
Рис. 6. Появление в домохозяйстве ребенка и траектории социального самочувствия, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Примечание. Точки обозначают линию траекторий социального самочувствия у респондентов, которые имели ребенка все время.

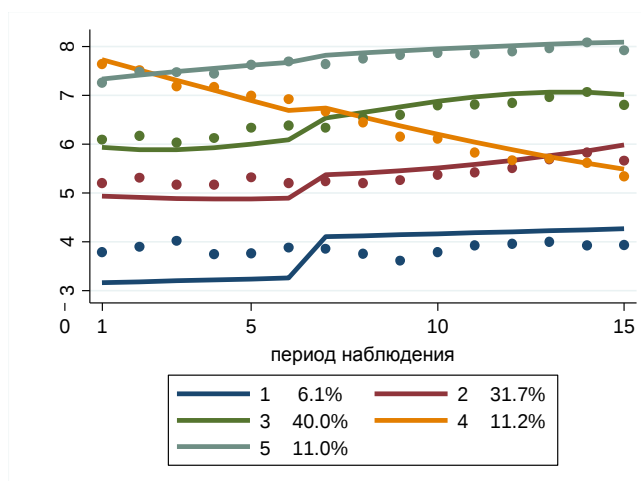
а) Мужчины

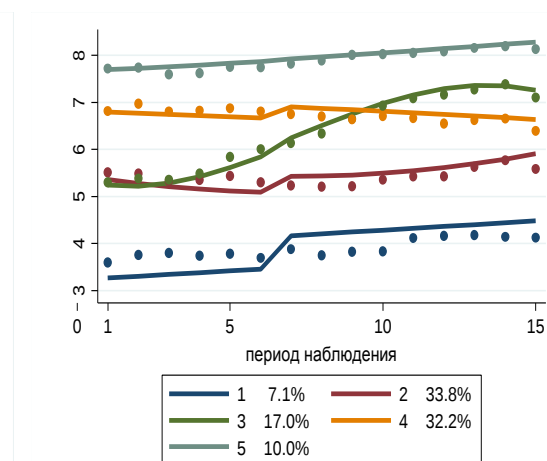
б) Женщины

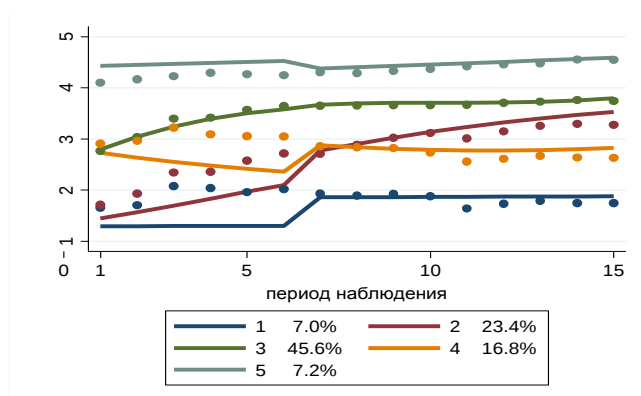
в) Мужчины

г) Женщины

д) Мужчины

е) Женщины

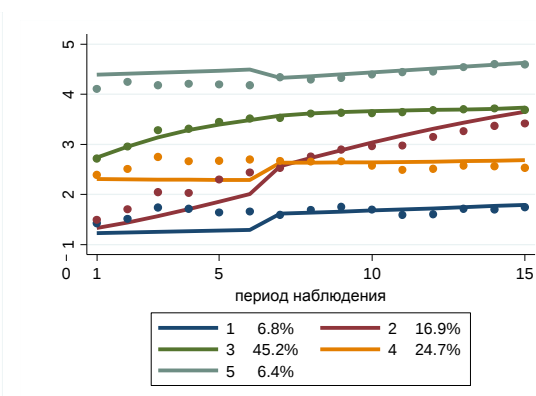
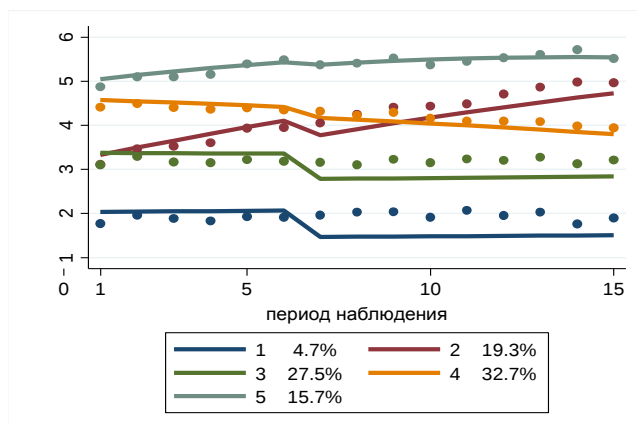

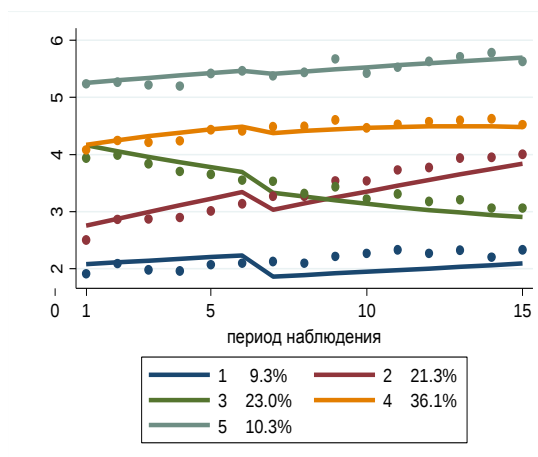
Рис. 7. Переход из незанятости в занятость и траектории социального самочувствия, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Примечание. Точки обозначают линии траекторий социального самочувствия у респондентов, которые были заняты все время.

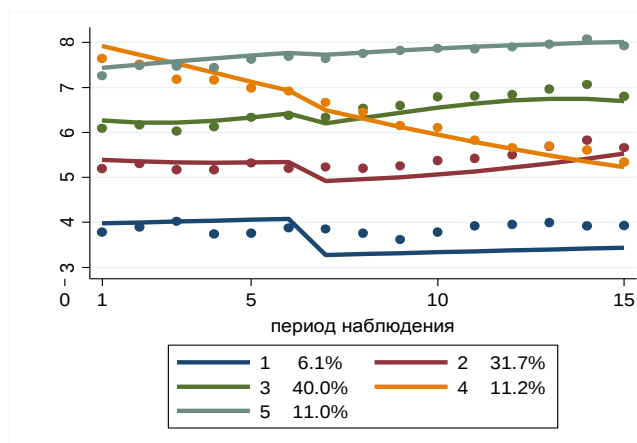
а) Мужчины

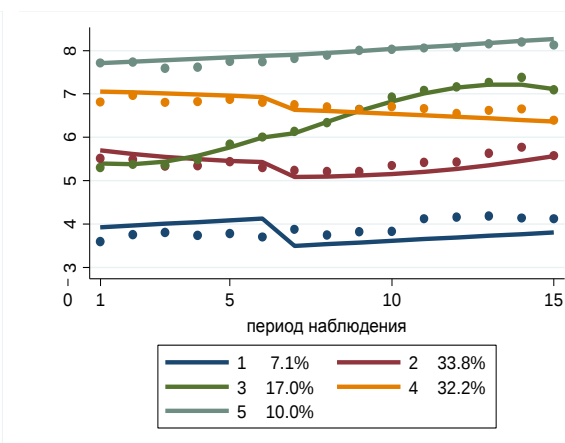
б) Женщины

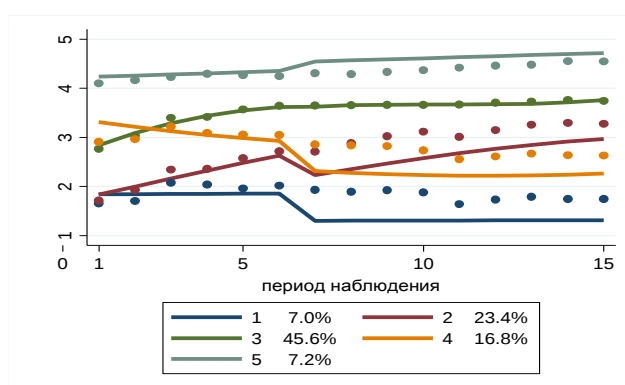
в) Мужчины

г) Женщины

д) Мужчины

е) Женщины

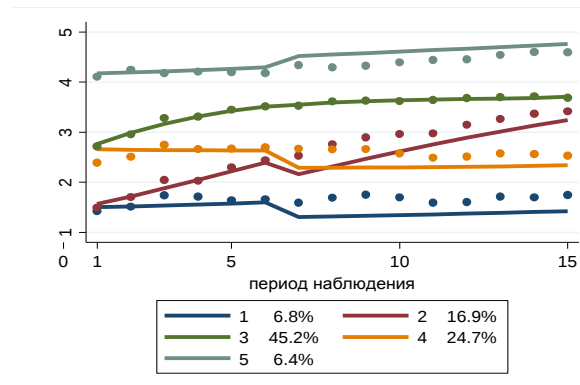

Рис. 8. Переход из занятости в незанятость и траектории социального самочувствия, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2014 гг.

Примечание. Точки обозначают линию траекторий социального самочувствия у респондентов, которые были заняты все время.

Zudina, Anna A.

What lies beneath “average” level of subjective indicators? Trajectories of self-evaluations in Russia in 2000–2014 : Working paper WP3/2016/05 [Electronic resource] / A. Zudina ; National Research University Higher School of Economics. – Electronic text data (1,5 Mb). – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2016. – (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). – 50 p. (In Russian.)

The issue of labour force mobility between employment and unemployment states, jobs and occupations became quite popular nowadays. However this theme is not limited to the analysis of objective indicators dynamics. Subjective mobility, e.g. the dynamics of individuals’ self-evaluations about their well-being and social position, can provide essential additional information about the state of society. Numerous sociological studies show that for most of the period of 2000s average self-evaluations of Russians remained to be rather negative in spite of economic growth and various economic and social reforms. However until recently we had no opportunity to look inside these average levels in order to understand which undercurrents constitute it.

Present study introduces the issue of trajectories of self-evaluations in Russia for the first time. Trajectories of self-evaluations represent the set of successive subjective estimations that enable us to trace the evolution of self-perception over time. We apply modern econometric technique of Group-Based Trajectory Modeling to the Russia Longitudinal Monitoring Survey 2000–2014 in order to classify individual trajectories of self-evaluations, present distinct socio-demographic portrait of its typical representatives and to analyze the consequences of so-called “major life events” (for example, marriage and job loss) on the direction and shape of trajectories. Results received demonstrate that average levels of self-estimations should not be considered as a reliable indicator of social processes since it is the result of the aggregation of very distinct subjective trajectories. Some of them can indeed be described as “stable” while others suggest significant mobility of self-evaluations (their rise or fall). Particular subjective path comes as a result of the combination of particular socio-demographic features while major life events do change significantly its shape.

Key words: subjective social status; subjective well-being; self-evaluations; mobility; trajectories analysis; panel data; RLMS HSE.

JEL: J32; J69; Z13

Препринт WP3/2016/05
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Зудина Анна Алексеевна

**Что скрывается за «средними» самооценками?
Анализ траекторий социального самочувствия россиян
в 2000–2014 гг.**

Изд. № 1977